

§21.3. Новгородская летопись.

Арсенграфической комиссией доселе издано 4 новгородских летописи. Первая Новгородская летопись в печатном издании вышла в 1916 году, а оканчивалась 1444г. Издательство ставит в вину то, что летопись, хотя и начало ее не канонично, между тем как оно заключает в себе различные варианты сравнительно с другими изданными летописями. В начале эта летопись представляла собой перечень чрезвычайных крахотных событий с массой пустых годов. Из этого вывода заключено, что летопись составлена, глав. обр., по кратким данным синодиков, и она выписана для поминания имени пришедших и убогих в раек; только с 1182г. летопись делается несколько подробнее. В составной летописи только с 1134г.; с этого только времени летопись становится, собственно, Новгородская летопись. Дальше она является в более систематической, в более правильной, причем иногда на первый план выходят политические, а иногда церковные события.

Поскольку содержание она имеет очень важное значение для Новгородской истории. Она рисует нам политическое, гражданское и церковное устройство Новгорода; отношения с другими русскими княжествами и соседями (туды, литовы, татары, датчане и т.д.); внутренняя организация и народные движения (голоды, эпидемии, пожары).

Источниками для нее служили: 1) отрывки скажений о славяно-крестоносцах Царьграда, битва на реке Каме, нашествие Батыя на Рязань и Владимир, Мамая победоносца; 2) монастырские и церковные записки; 3) записки частных лиц и официальные акты.

Первая Новгородская летопись имеет особенно важное значение для начальной истории Новгорода (до 1219), поэтому и в новейшее время новгородских летописей за этот период не делалось в себе много нового и важного.

Вторая Новгородская летопись (с 11 по 1588г.) до конца 16в. не представляла почти никаких важных вариантов с первой; летопись только переписана в 1422г. из 1409г.

Летопись 2-я

ся о новгородских летописях. Но за то за XIV в. она содержит чрезвычайно важные, оригинальные известия, исключительного свойства, о Новгороде. В зрелые летописи присоединены в издании Археографической комиссии список новгородских владык и отрывок из разряда Новгородских летописей.

Третья новгородская летопись (988-1716), заключающая в себя, собственно говоря, историю построения новгородских церквей, какъ о зрелыхъ свидетельствуетъ ее заглавие. Кроме того, она заключаетъ в себя новгородско отрывочные сказанія, изъ коихъ на первомъ планѣ нужно поставить описаніе повоища, убитого Иваномъ Васильевичемъ въ Новгородѣ въ 1576г..

Четвертая Новгородская летопись есть сводъ предъидущихъ съ добавленіемъ некоторыхъ известій о Суздальской, Тверской и Ярославской земляхъ. Такимъ образомъ, въ ней имъ махнуто цѣлый рядъ отрывочныхъ сказаній и правительственныхъ актовъ.

4. Псковскія летописи. 859-1650

Археографической Комиссіей изданы двѣ Псковскія летописи. (т. 2-й). Первая летопись (859-1650). Оригинальная собоуѣ начинающагося конемъ конца XIV в.; подъ 1265г. находитъ первое самостоятельное сказаніе о Доблнотѣ. Съ зрелю манскія мы видимъ въ ней рядъ многотныхъ псковскихъ известій (о постройкахъ, народныхъ дѣлѣхъ, войнамъ съ соседями, гражданскихъ и церковныхъ дѣлахъ). Летопись зрѣлая въ значительной степени официальнаго характера. Вторая псковская летопись представляетъ варіантъ первой съ многими интересными частностями. Когда же можно ознестъ и неизданную доселѣ Вятскую летопись, содержащую интересныя данныя для новгородской колоніи - Холмова.

5. Суздальскія летописи.

Мы не имеемъ, собственно говоря, ни одного летописнаго списка, который заключалъ бы въ себя исключительнѣ Суздальскую летопись; но на существованіе ея указываютъ многія вѣскія соображенія. Суздальскія собоуѣ сохранились въ спискахъ Лаврентьевскихъ, Троицкихъ, Софійскихъ и Воскресенскихъ (начиная со вре-

лени Андрея (Богомоудского). Въ княжескихъ летописяхъ летописцы
 не знаютъ, какъ относить Рюрово-Суздальской земли;
 имѣя прямое указаніе на существованіе стараго Рюровскаго летописца.
 Силами летописца лежатъ на сторонѣ Владимірскихъ князей и
 Владиміра; отсюда объяснѣе заключеніе, что летопись велась въ г. Вла-
 димірѣ. И действительно, Владимірскими князьями признается какъ
 имъ царственное значеніе; отсюда предположеніе насмѣдованію отъ оф-
 фц. въ сарматскому сыну, а не въ драгу; подходы великихъ князей Влади-
 мірскихъ объясняются помощью Божьей; борьба противъ Влади-
 мірскихъ князей признается грѣшнымъ грѣховнымъ. Церковные
 писанія, такъ, напр., призывающія звать на помощь возникающую
 самодержавію. Въ XIV в. летописи переходятъ въ Москву, но обозна-
 чить точное время этого перехода нѣтъ никакой возможности.

Сюда до сихъ поръ отнесены также и летописи Переяславля
 Суздальскаго, доведенная только до 1244 г. Въ Переяславль сѣ относятся
 только по тому, что въ разсказѣ о убійствѣ Андрея Богомоудскаго
 летописецъ называетъ княземъ Ярослава, княживша-
 го въ Переяславль, а кроме того, Переяславцевъ называетъ союзника-
 ми Владиміровцевъ (впрочемъ списки нисколько оныхъ не говорятъ).
 Она заключаетъ въ себѣ некоторые летописные варианты даже вре-
 менишнихъ дѣлъ (сообщаетъ, напр., итѣренныя подробности объ-
 зрѣ рязанскихъ и владимірскихъ). Впрочемъ, даже въ во многомъ испор-
 ченъ переписчиками. Есть и еще нѣсколько областныхъ летопи-
 сей, но они относятся къ болѣе позднему періоду, напр. Тверская,
 заключающая въ себѣ данныя для исторіи тверскаго княже-
 ства съ XIV в.

Летописные большие сборники. Съ развѣтлѣніемъ Московскаго
 самодержавія, съ объединеніемъ областей подъ властью велика-
 го князя московскаго, объединяется и само летописное дѣло;
 измѣняя прежнихъ местныхъ, областныхъ летописей появ-
 ляются болѣе часты въ Москвѣ болѣе крупные летописные сборни-
 ки: + Воскресенскій, Софійскій, Никоновскій, въ которыхъ означа-
 ютъ событія во всей русской землѣ. Измѣненіе событий въ зна-
 чительной степени принимаетъ официальный характеръ.

1283

любопытны случаи отчасти интересны государственнымъ. Уже въ на-
чала 17 в. любопытствъ, выходящая времена, „отъ великаго Симеона
Войводина, неукрашая пишущаго“, говоритъ: „первымъ на-
шимъ владѣтельнымъ вѣкъ мѣста повелѣвающая вся добрая и крѣп-
кая прилучившаяся, написывае“, чѣмъ показывае ясно, что
уже и въ это время была правительственная люботисъ; князь
Юрій Дмитриевичъ въ своихъ исканіяхъ великокняжескаго
сѣна отирае въ орды на сѣрѣ люботисы. Великій князь
Иванъ Васильевичъ послалъ въ Новгородъ дѣла Бѣдажа дока-
зывать новгородцамъ старинны люботисцами и ихъ неправду.
Сравняе все болѣе и болѣе оформительной, люботисы соби-
рае съ разрядными книгами и, наконецъ, переиша въ нѣко-
е окончательнѣ. Соверенны чаетъ люботисей соедрѣ изъ трехъ
группъ: 1) древняя люботисъ, 2) областная люботисы и 3) обще-
русская или Московская. На ряду съ такими сборниками
мы встрѣчаемъ и некоторы люботисы въ родѣ, напр.,
Двинской, Нижегородской, но онѣ вырѣзанной скоро чистѣ и
на сѣрѣ записали. Въ 17 в. сирѣ надобно было вѣдѣ-
ми, такъ нав., Сибирскія люботисы, которыя соедряютъ осо-
бую характерную группу. Начало сибирскаго люботисанія
притисывае Киприану, мистр. тобольскому; до насъ дошло
нѣсколько сибирскихъ люботисей, болѣе или менѣе орфо-
нающихся одна отъ другой.

Особое и важное мѣсто въ рускомъ люботисаніи занимаютъ
мурвскія люботисы. Мы имеемъ до редакціи 17 в. люботи-
си — кратко, начинающуюся соизрѣи Бѣдичина, собственна-
же соизрѣи Омогуда и оканчивающуюся нѣмъ, и поимено, въ
важнѣйшихъ временахъ до 1506 г.

Съ другой стороны, въ западной Руси развивае особое лю-
ботисаніе; возникае циклы, такъ нав., кадимъ живъ люботисей,
оказанныхъ своимъ происхожденіемъ драматической исторіи
Самодѣла рускаго казачества. Изъ нихъ самая важная — Само-
вѣдѣла; что касаетъ до люботисей Самуила Велички
и Григорія Грабани, то онѣ совершенно вѣдѣльные, какъ

и их воспроизведение и продолжение — «История Руссов», почти
приписываемая Копиисскому.

§ 22. Хронографы.

Библиография:

Ивановъ. Общее понятие хронографовъ. Казань. 1843г.

Ладаевскій. Записка о русских хронографъ. Мав. Пор. А. Н. 7, 819.

А. Поповъ. Обзор хронографовъ русской редакціи. 1866—69.

Яничъ. Ein Beitrag zur Geschichte der slavischen Annalen (Arch. fur slav. Phil. 1874.)

Шатищевъ. Къ вопросу о происхождении хронографовъ. С. 1899.

Поповъ. Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей,
напечатанныхъ въ хронографъ русской редакціи).

Изборники появляются, развиваются и ослабляются соот-
ветственно съ развитиемъ государственности въ данное время и въ
данной местности. При единой Руси изборники являются
единообразными; при распаденіи Руси на части изборники стано-
вятся разнообразными и принимаютъ особый характеръ. Съ раз-
витіемъ Московскаго единовѣрства объединяются и изборни-
ки, являясь по преимуществу сборный, сводный характеръ из-
борниковъ. Наконецъ, по мере сближенія москов. государства
съ другими государствами и изборники теряютъ исключительно русскій
характеръ и принимаютъ характеръ обще-историческій, превра-
щаясь въ такъ наз. хронографы, заключающие въ себя свѣдѣнія не толь-
ко о Россіи, но и о другихъ странахъ, европейских, славянскихъ и
западно-европейскихъ. Укреповъ къ Писемскому, къ Савицкимъ
изборникамъ, присоединялись изборники и летописи, и рѣдкіе сборники
назывались хронографами. Хронографы эти въ славянскихъ пе-
реводахъ и въ славянскими прибавленіями стали переходить
и къ намъ, переписывались и дополнялись свѣдѣніями
о нашихъ государственныхъ дѣлахъ и дѣлахъ западно-ево-
пейскихъ государствъ. Дошедшіе до насъ хронографы имеютъ
2 редакціи. Хронографъ 1^{ей} редакціи, внесенный въ 1512г., 1512
не сочиненъ однимъ лицомъ, а собранъ изъ разныхъ исто-
чниковъ, по своему происхожденію принадлежащихъ къ литера-
турѣ: византійской, болгарской, армянской и русской. Напи-

Хроног

1512

1512

населеніи отъ оубо соборенія міра и оканчивася 1453г. въздржмъ Царь-
градъ турками. Видовидимъ изъ общаго егосотаву весь сѣржи ала-
ванскаго происхожденія, въ основѣ хронографа поминимъ: вѣ-
бисекую исторію, выписки изъ византійскихъ историковъ, разныя
мелкія знаменія сѣржи и предположеніе предисловіе зреческаго про-
исхожденія, въ которомъ неизвѣстнѣй абзрѣкъ отъавнаеу, чрѣство-
авшъ трудъ отъ издралъ отъ многихъ историческихъ и дѣловыхъ
книгъ нужнѣйшее и добротѣйшее и совокупилъ во едино."

Въ основу зрѣго хронографа положены словоточіе виданій ірискіх писателі:

1. Константинъ Макассія. Стихотворная всемірная хроника оъсво-
ренія міра домерті импер. Никифора Востаніята, 1081/2..
2. Георгій Амартолъ. Врѣснний оъсвоженія міра до 867г..
3. Іоаннъ Зокара. Хронографъ оъсвоженія міра до 1182..
4. Іоаннъ Антропійскій Мамма. хроногр. оъсвож. міра до 566г..
5. Никифоръ падріадъ - хронографъ оъсвож. міра до 829г..

Упр не касаясь вопроса: переведены ли эти хронографы с греческого или с славянского языка, то, обратившись к славянским переводам византийских историков, мы найдем там признаки, на основании которых имелись право думать, что наши хронографы не переведены с греческого, а собраны славянином по славянским переводам византийских писателей. Именно, переводы византийских писателей, вошедших в хронографы, совершенно в разное время и на разных славянских наречиях, существовали задолго до момента составления нашего хронографа, т. е. VIII. Так, хроника Манассии была переведена на средне-болгарский язык в первой половине XV в.

Георгій Амартюль переведенъ въ глубокой древности и ранне
1116г., поборищу или пользовался составитель нашей, повторы вре-
меннаго жить."

Переводъ хронографа Мамаша офисиря коврамени болгар-
скаго князя Симеона - до 924 г.

Хронографъ Т. Зонары переведенъ на сербскій языкъ въ 1344 г. и, наконецъ, хронографъ Никифора патр. переведенъ въ древнерусскій періодъ славянской письменности; сохранился въ спискѣ XIII в.

6. Служи оубо Игорьъ и Ольга воевали согласно съ мѣстописными за искуше-
ніемъ дмитріи, въ крещеніе Ольги совершившемся при царѣ Романѣ.

7. Статьи о Святославѣ обращаютъ на себя вниманіе подописаніемъ про-
тивъ мѣстописной редакціи.

8. Орусскому великому князю Владиміру и о его крещеніи — краткое из-
вѣщеніе изъ мѣстописи.

9. Годъ 6745. Вѣдѣсна обширная повесть о Дмитріи Донскомъ и Кри-
ковской битвѣ, отличающаяся отъ мѣстописной болѣе сжатыхъ изложеніемъ.

2^я редакция. Болѣе сра мѣст первая редакція хронографа переш-
ивалась изъ Руси безъ существенныхъ измѣненій въ своихъ частяхъ. Только
въ началѣ XII в., въ 1617 г., появилась новая передѣлка, такъ назыв. Вторая
русская редакція. Она отличается отъ первой дополненіями по новымъ
ислѣдствіямъ, между прочимъ и половецкимъ, и новымъ продолженіемъ,
дведеніемъ до воцаренія Михаила Осоржковича.

Историческимъ 2ой редакціи хронографовъ служатъ уже произведенія
латинско-польской литературы. Сюда принадлежатъ:

1. "Великая хроника" Матфея Бельскаго, она сообщала много нова-
го, извѣстнаго прежде матеріала, — космографіи, исторіи западно-ев-
ропейской и польской, исторію папъ и разсказы о сраженіи Ансрихи
и 2. "Хроника чудесъ" Конрада Малосейна.

Упомянутая русская историческая сѣдь, въ доведеніи Царьграда
тѣмъ же авторомъ также основаніемъ извѣстными, при въ 10ой
редакціи. Отъ царствованія Василия Васильевича до Ивана Грознаго
(1452—1534) слѣдуетъ выдержка изъ мѣстописной извѣстей; отъ Грознаго же
и до конца хронографъ оригинальное извѣстное сочиненіе казанскаго
русскаго автора. Оно сдѣлано въ видѣ фактумъ, около общи-
ми характеристиками историческимъ мѣстъ и событий, такъ, оны ха-
рактеризуютъ отъ стороны царствованія Грознаго — первую восточную,
знаменитую покореніемъ Казани, Астрахани, Сибирской зем-
ли, Идрину, знаменитую опачи, казанью и истреблені-
емъ отъ турокъ. Дѣло и сѣдь характеристика Бориса Ивановича,
Бориса, Самозванца, Василия Шуйскаго и др.

Хрѣстъ авторомъ этого сочиненія, извѣстнаго нѣкогда; знающаго
хорошо сочиненіе, оконченное въ первый годъ царствованія Михаила

Воскресения, совпадающа съ временемъ соображенія 2ой редакціи. Д.с.с. № 11, на этомъ основаніи Поповъ позволяетъ себѣ думать, что онъ въ самомъ дѣлѣ совпадаетъ хронографъ.

Помимо различныхъ видоизмненій, которыми подверглась 2ая редакція хронографа, въ 1711 г. (по днѣ 1620) возникла еще 3^{ья} редакція, характеризующаяся передѣлками поновыми источниками самой важной исторической части хронографа въ русскіе царствъ отъ царствованія Василия Ивановича до воцаренія Михаила Васильевича и имѣющая истинными: 1) 1^ю редакцію хронографа; 2) Исторію въ память предпріимыхъ работъ "камера троїцкаго монастыря Авраамія Палицына и 3) сказаніе о самозванцахъ.

Враждебно относясь къ списковъ хронографовъ 17ой редакціи съ видоизмненіями въ нашей письменности существуютъ и такіе хронографы, которые не подходятъ ни подъ одну изъ указанныхъ выше категорій и потому называются хронографами особого содѣла. Подъ редакціей разнотеря издѣстная группа списковъ, а подъ особыми содѣлами разнотеря хронографы или самосодѣлами содѣланные издѣльными лицами, или же безымянными содѣланными, труды которыхъ не были распространены, не вошли въ общій оборотъ между переписчиками, и потому дошли до насъ, по волеи части, всего въ одномъ или двухъ спискахъ. Такъ какъ отдѣльные самосодѣлаемые попытки переписать хронографъ, внесли въ него новый порядокъ и новый историческій матеріалъ издѣльно 1, изъ которыхъ заимствованъ хронографъ Сергія Кубасова, троїцкаго боярскаго сына. По соображенію своему этотъ хронографъ распадается на 2 части: одна заимствована, главнымъ образомъ, изъ 1ой ред., 17ой редакціи и др. неименныхъ источниковъ; другая оригинальная, принадлежащая самому автору, начинающаяся отъ царствованія Михаила Троїцкаго и до конца хронографа, при томъ весь матеріалъ по своему характеру подраздѣленъ на 2 отдѣла: въ первомъ заимствованъ общепризнанный общепризнанный историческая сторона изложенія, во второмъ же только русскія сдѣлки.

Въ юго-восточной и западной Руси, гдѣ была не менѣешая потребность въ общепризнанныхъ сочиненіяхъ и гдѣ было много средствъ къ изданію, должны были, конечно, также существовать хронографы.

пографы, нодо насъ дошлихъ изъ оригинальныхъ русско-русскихъ оп-
равъ только одинъ хронографъ іеромонаха Леоніа (Водошника),
описывающійся политимативнымъ характеромъ свѣдѣній о происше-
ствіяхъ церковной и гражданской жизни отъ сотворенія міра до нача-
ла XVIII ст..

§23. Повѣствованія и житія въ летописяхъ и отъдѣльно.

Библиографія:

Минотевскі. Древне-русская истія, какъ источникъ историческій.
Владимировскій. Житія святыхъ.

Ахольскі. Древнія сказанія о кievскихъ святыхъ.

Ахоніровъ. Житія святыхъ, какъ историческій источникъ. С. 1864.

Хрущовъ. О сказаніяхъ и повѣстьяхъ древне-русскихъ. 1878.

Въ летописи много отъ краткихъ хронологическихъ извѣстій
вероятно подробные разсказы, которые можно назвать сказаніями или
повѣстями. Очень много изъ такихъ сказаній встречается въ отъдѣльных
видѣхъ: житія, по всей вѣроятности, коія дошли до насъ только въ жезлѣ
журналистскій, дополненныя тоже существовать отъдѣльно. Такія ска-
занія посвящались или описанію какого-либо событія, или изображе-
нію жизни лица, прославившагося своею святостію. Такихъ
отъдѣловъ сказаній извѣстныхъ подъ именами житій святыхъ.

Въ такихъ сказаніяхъ принадлежатъ много разсказы перво-
начальной исторіи, преимущественно сказанія о Борисѣ и Глебѣ,
2 объ освященіи Василия; сюда же относятъ отъдѣлы сказаній
3 объ основаніи монастыря Печерскаго, а также извѣстіе о кончинѣ
4 Осодосія и объ обрѣщеніи его мощей. Въ послѣдующихъ журни-
стахъ также много сказаній. Сюда относятъ, напр., сказа-
ніе объ убійствѣ Андрея Боголюбскаго, о распрѣ его братьевъ,
о племени кнзями, о походѣ Игоря на половцевъ, о Липец-
кой битвѣ, о битвѣ при Калкѣ, о нашествіи Баттѣ. Пого-
вѣрскіе погрома много отъ сказаній особенно возросло; ука-
жемъ на самыя важныя: какіе-то Андрей-кнзя во-
шедшее во много сборники журнистныхъ слово новосвятую и

Житія

Понятіе о житіяхъ, какъ историческомъ матеріалѣ.

Открытіе житій, какъ историческое матеріалъ, имѣетъ чрезвычайное важное значеніе. Религіозный элементъ житій на самомъ видномъ мѣстѣ въ древней Руси; онъ сплетается со всеми явленіями жизни — политическими, общественными и семейными. При этой всеобщности религіознаго элемента жизнеописанія епископовъ, прославившихся своею святостью, пользовавшихся особыми почестями во время своей жизни и выходящихъ того приходящихся въ рядное — рядное строеніе со всеми силами общества, должны, несомненно, служить однимъ изъ первоисточниковъ историковъ для историка. Въ нихъ рисуются особенно ярко бодрая сторона жизни: основывается монастырь, изображается поименіе края, являющагося помощникомъ поговариваясь со святыми при его жизни или поименіе его помощника; изображаются рядные житійскіе случаи. Въ этихъ описаніяхъ особенно важны чудеса, ибо каждое чудо выдвигается какимъ-н. случаемъ; въ описаніи этихъ случаевъ берется много выразительныхъ чертъ. При изученіи житій не слѣдуетъ упускать изъ виду, что не все они писались современниками своего или, по крайней мѣрѣ, не все сохранились въ первоначальномъ редакціонѣ; многія дошли въ редакціяхъ значительно позднѣйшихъ; слѣдовательно, изучая характеръ той эпохи, въ которой жила святая, мы должны осторожно обращаться съ историческими данными этого рода, ибо знаемъ, что историческою критикой современны не было въ виду у писателей житій, имѣвшихъ своей главной цѣлью нравственное поученіе современниковъ. Такимъ образомъ далеко не все житія могутъ служить историческимъ для изученія эпохи, въ нихъ изображаемой; но зато они служатъ драгоценнымъ историческимъ для изученія этой эпохи, когда они написаны.

Форма и содержаніе житія. Житіе по своему своему существу имѣетъ двѣ стороны: историческую и литературную. Житіе — это образное произведеніе, церковная

простою, преднамеренною, которую так же религиозно-прав-
денно и истинно, как и в простом церковном слове, но раздвигав-
шая не в отвлеченном анализе или практическом приме-
нении, а на изобразительных исторических лицах и событиях. Она эс-
сенциальна — литературной и исторической — и имеет свою судьбу в
развитии древне-русского жития; но при этом трудно найти дру-
гой род литературных произведений, в которых форма в боль-
шей степени господствовала над содержанием, подчиняя
последнее своим редким, неумолчным правилам.

Судьба литературного элемента житий.

Верховное правило: * житие XV в. На всей литератур-
ной истории древнерусского жития заметно складывался двойственный
тип, в которой зародилось это житие и с которой, главным образом,
связано было его распространение. Рассматривая житие кра-
йне, не следует забывать, что оно входило в состав богослу-
жения, читалось в церкви во время службы святому на шестри-
дневии канона вилье за кондаками и икосами. В содержа-
нии и форме зрим кондаков и икосов не трудно заметить
литературное родство их с житием. Кондак кратко пере-
дает в повествовательной форме основные черты деяни-
ости святого; икос на основании зрим черт и начал похва-
ля святому, начиная каждую черту возгласом: „радуясь“.
Таким образом, в зрим повествовании содержится литера-
турная программа жития. Таковы, именно, по своему
строю древнейшие памятники старо-русской агиогра-
фии. Об этом, именно, житийных рукописи содержат
правильные указания на их церковное происхождение и
употребление: их поименован в прологах или сводных
вы святому посыл все книги канона. Это первоначальный
тип жития, точнее — прологический, господствовавший в ста-
ро-русской литературе житий до конца XV в. Но не
исчерп и посыл, когда развились и утвердились другие
формы жития: пока древне-русская агиография кра-
йне прологическая, борнила краткий житий, а иногда и поучительный, расположен-
ных под влиянием иже.

ниша свой сжатый, строго-церковный стиль и не превратилась в простую биографию, до тех пор существовала потребность иметь рядом с пространно и украшенною житием и его краткое проложное изложение.

Распространенное житие жития послужило в XVIII в. литературная форма жития получила дальнейшее развитие. В начале и конце биографии появились главы, содержащие и часть которых составляло не воспроизведение исторического явления: прежде биографический рассказ являлся образное предисловие; прежняя краткая похвала в конце проложного жития расширилась в пространное похвальное слово и отделилась от биографии в вид особой сжатой. Чужда сдвинувшись существенной и необходимой частью жития. В основном биографическом рассказе развились, именно, те типичные черты, которые обобщали историческое явление и индивидуальное явление, приближая его к общему христианскому идеалу. Церковно-образное описание жития стало на первом плане, закрова собою описание историческое. Житие превратилось в сжатое и сложное архитектурное здание, в однообразную форму, которая стремилась выскать разнообразия исторических явления.

В это время в житиях получают господствующее значение литературные приемы, устанавливаются основные правила. Сказание о святом уже не ограничивается простой исторической задачей сохранения памяти в постройку на первом плане друга истины. При приеме и часть не только устанавливаются в житиях особую точку зрения, известный условный взгляд на описываемые явления, но и определяют в них самый выбор содержания, который автор пользуется историком. Если же содержание сжимается вообще гораздо больше в сравнении с житием предшествующего времени, то пришлось поспешно не историческим элементам дать ему особую, условную обложку.

ку, которую предварительно должно сънять съ него историкъ. Это направление развивалось въ северной автобиографіи подъ южно-славянскими, Киевскими влияніями, противопоставивъ въ нашу литературу двинія турѣмъ. Съ юга усиливается въ северной Руси южно-славянскихъ оригинальныхъ произведеній и переводовъ; популяризируютъ образцами и поговѣями цѣла изложенія житій въ новополнѣ наставленіи. Въ то же время, вѣроятно за письменными памятниками юга, появляются примылы орудія и литературные таланты, которые даютъ нашей литературѣ первое опыты этого истиннаго изложенія.

Отступление отъ этого. Рядомъ съ господствующимъ стилемъ развились и отступления. Въ житіяхъ XIV и XV вв. замѣтна чистая исторіографическая цѣль: не покидая пріемовъ истиннаго стиля, стараюсь Дерзко на высотѣ историческаго требованія, они, однако, стараются расширить свое фактическое содержаніе на счетъ общаго жита. Немного раньше стили появлялись житія, отступающія отъ господствующаго стили; мало заботясь о фактическомъ изложеніи, кудрявое соображеніи и съ ея именами думали о стилистической обработкѣ и отступали не только отъ принятаго въ автобиографіи пріема историческаго изложенія, но иногда и отъ языковыхъ особенностей церковнаго языка, приближаясь въ своихъ изложеніяхъ къ живой рѣчи. Оба видоизмѣненія установившагося стили были переходомъ отъ житія къ простой биографіи.

Житіе было неравномерно съ представленіемъ о своей жизни, и только она имѣла право на такое изложеніе. Единственнымъ интересомъ и въ этомъ не историческимъ или психологическимъ, а нравственно-назидательнымъ. Въ соображеніи въ томъ общаго типичныхъ чертахъ или нравственныхъ вѣщахъ, которые составляютъ содержаніе христианскаго идеала и осуществленіе которыхъ, развѣтвляясь, можно найди не во всякой отдаленной окладни. Для

такого изображения не нужна ни крижа, ни фактическое изображение. Но идея древне-русского автобиографа была неизменно аскетична, когда вопрос об историческом факте выступал на верхов предъ отшельническими схематическими. Так было, когда лично, за жизнеописание которого отъ брава, стало аскетическим близко къ историческим событиям, за нимавшимъ обществу, а самъ отъ было аскетическим близко къ отшельничеству лично, чтобы забыть подробности этихъ событий или пренебречь ими. До XIV и XV вв. мало было наклонность къ риторическимъ распространениямъ можно заметить въ житияхъ князей и высшихъ представителей церковной иерархии. Естественно, что верховна отъ аскетическим, удалявшимъ себя отъ церковной сферы, въ тѣсномъ смысле, заставляла и писателя въ автобиографическомъ матеріалѣ выступать изъ тѣсныхъ рамокъ житія, какъ личнымъ въ кондакахъ и иконовъ. Но и въ кругу монастырской жизни биографу встречались покровители, ценившие его внимательность къ простымъ житийскимъ подробностямъ описываемой жизни. Съ половины XV в. развитее монастырской колонизации выставило рядъ подвижниковъ, основавшихъ монашескія общины въ отдаленныхъ пустыняхъ. Благоговейное воспоминание о нихъ не скоро облеклось въ формы церковного чествованія, но возбудило желание сверечь, записать черты ихъ жизни, пока они еще были живы въ памяти. До церковной канонизации житиеписатели имели больше простора для своего пера, ибо они писали не для церковной службы, главнымъ образомъ въ житияхъ обобщенія опыта для биографа, а для читателей-современниковъ, въ памяти которыхъ подробности жизни человека, или знакомого, или своего родного видъ еще не потеряли своего интереса. Этихъ автобиографовъ и автобиографическое явление и разномыслие отъ XV в. преимущественно простыхъ биографическихъ записокъ, авторы которыхъ,

не принимая на себя обязанности писать полную биографию и не стесняясь рамками жития, живя с обилием фактов и откровенностью излагая наиболее близкие и дорогие для них воспоминания.

Подъ влиянием вырабатывался мнѣе характеръ житій. Удавленіе оу непосредственномъ вліаніи церковнаго догматизма отражалось не на одномъ видѣ биографическаго содержанія житія; мнѣе еще замѣтно отражалось на изложеніи этого содержанія. Удаляясь оу своего первоначальнаго источника, биографія вернула другое условіе, тоже сдѣлавшее уподобуясь искусственному суну. Это стили въ достиженьи чуждымъ, имовшимъ скоромное крикное въразованіе, т.е. очень немногимъ въ древне-русскомъ обществѣ; можно замѣтить даже, что многими составителями житій оны были не подъ силу, и они часто отступали оу него отъ видимыхъ приискорбленій. Между темъ въ письменности XVII в. сохранились указанія, что житія распространялись и съ мововно читались не только въ духовныхъ, но и въ свѣтскихъ обществахъ. Стиль житій сталъ для грамотныхъ людей однимъ изъ проявленій усердія оу памяти святого, дѣлались по омоту възможны. Варианты, представлявшие себѣ жекорныя наиболее распространеныя житія въ многочисленныхъ спискахъ житій, мнѣе служили наглядными подтвержденіями истины, что самое усилье переписки житій для гудимки, не посвященной въ тонкости высокаго слога, упрощало и изложеніе на сколько это зависело оу мотопица.

Въ связи съ этимъ разномыслиемъ густинныхъ монаховъ стало 3-е условіе, которое еще сильнѣе вѣло въ извѣстныхъ содѣйствовало величій сунискусской изысканности въ литературе житій XVII и XVIII вв. Большинство житій появившихся до этого времени, написано было въ городскихъ и монастырскихъ, бывшихъ

Ладъ II

средоточеніе книжнаго образованія, гдѣ не было нѣдоедайка въ литературныхъ маѣстрахъ для изображенія подвиговъ еще несомнѣнносленныхъ дѣятелей, прославленныхъ церковью. Распространеніе же монастырей въ тихихъ пустыняхъ сообра пошло уровень образованія среди монашества, надвигавшагося изъ земной материальной массы. Когда же эти монастыри были богаты преданіями и памятнымъ дѣятели, а между тѣмъ въ средѣ братій не имѣли людей, умѣющихъ писать, то эти преданія изустно ходили до тѣхъ поръ, пока какой-либо гость аскетическій, зрѣлый грамматикъ, не записывалъ преданія. Разномыслие заставило позволять считать выводъ, что искусственность сѣмьи житей находилась въ обратномъ отношеніи къ той литературному распространенію. Совокупное дѣйствіе этихъ условий привело къ появленію автобиографовъ, въ которыхъ церковно-ригорицкіе прѣдѣлы низведены до полнаго паденія.

Историческій элементъ житій

Источники житій. Главное значеніе въ литературѣ житій по отношенію дѣйствія и внутреннему качеству имѣли изустные источники. Первое место между ними занимаютъ живые свидѣтели, самовидцы и памятники "святого", въ числу которыхъ много принадлежатъ и сами биографы. Последнее, впрочемъ, было сравнительно рѣдкимъ случаемъ. Чаще ожившіе самовидцы представляли свои воспоминанія о святомъ биографу, который не зналъ по личному. Въ монастыряхъ дошедшимъ, описавшимъ древнихъ описъ и сражались съ ересь и въ покаяніи. За ними слѣдуютъ "догматическіе скадатель", чрезвычайно разнообразное по степени догматическіе; въ нихъ описаны и мѣсто, получившіе свидѣнія изъ первыхъ рукъ, отъ ближайшихъ учениковъ святого, и мѣсто, до которыхъ эти свидѣнія доходили въ видѣ слухной легенды, не понимавшей своего происхожденія. Впрочемъ, равнѣнное отношеніе самовидцевъ и догматическихъ скадатель къ святому было посещено не всегда рѣдко опредѣляло сравнительное достоинство ихъ, какъ историческое значеніе.

Невозможно точно опредѣлить степень участія въ житіяхъ

писанных источников сравнительно изустными; сами
 враздн выражаются въ зрѣніи не всегда ясно и доверчивыми
 изречениями называют иногда составитель первоначальныхъ запи-
 сокъ. Вообще, не сдѣлавъ воспроизведение факта главной задачей своего
 труда и находясь самою надежную опору для своего повествованія
 въ авторитетѣ фактическихъ источниковъ, писатель
 въ болѣе частую не считалъ нужнымъ подробно разсказывать
 фактъ, о которомъ довольно сообщалось или изустно. По равноду-
 шію въ значительной степени объясняется и односторонность, опу-
 шавшимъ написаніе житія. Болѣе или менѣе гудимое, и мнѣю-
 щее въ виду у автора, болѣе браться одного съ нимъ монаше-
 ра, которая сама хорошо знала, чѣмъ оно могъ воспользова-
 ться своего труда. Поэтому оно ограничивалось иногда замѣ-
 чаніемъ, что отбавляясь на такой трудъ потону, что
 изрѣчно впадавъ даже и въ "жизніе" святаго и въ преду-
 сужденіе недостоверныхъ вопросовъ, прибавлялъ: "да не поду-
 маешь кто нибудь, что я незнаю истинны о святомъ",
 и до я писалъ со словъ доверчивыхъ свидѣтелей о свя-
 томъ" и подобное въ зрѣніи родъ. Вообще, очень немногіе гово-
 рили о поискахъ въ изустно собирае матеріалъ для житія или про-
 вѣрять свой разсказъ.

Опредѣляя поэтому характеръ письменныхъ источниковъ въ ли-
 тературѣ житій, едва ли можно ошибиться, сказавъ, что имѣе-
 мы въ высшей второстепенное мѣсто предъ изустными. После са-
 мовидцевъ и доверчивыхъ сказавшихъ всеобщаго авторитетъ
 монаховъ на старое записки или свѣдѣнія. (Болѣе часта
 въ видѣ, въ изрѣченіи изъ письменнаго обращенія житія-
 ми. По изрѣчившимъ запискамъ, точно также по отзы-
 вамъ житій, о которыхъ изъ пропавшихъ записокъ видно,
 что биографу иногда оставались обширныя и исполненныя
 истинныхъ подробностей разсказы, не лишенные и книжнаго
 искусства. Иногда представить свой разсказъ въ связи съ общи-
 ми историческими событіями, въ которыхъ принималъ уча-
 стіе описываемый свѣтъ, биографы иногда обращались къ общимъ

мѣтотисси.

Житіе не оканчивалось кончиною святого, для изображенія помертвнаго продолженія подвѣательности біографъ гораздо чаще находилъ въ монастырѣ обильныя записки, относящіяся на мѣртвыхъ. Помертвныя чудеса основаны были являлись въ монастырской жизни, которыми былое всего дорожили братія. Указанія на монастырскую книгу чудесъ встрѣчаются даже тамъ гдѣ, благодаря небрежности или малограмотности монаховъ, не сохранялось никакихъ записокъ объ основаніи и первоначальной судьбѣ монастыря. Пространное, правильно составленное житіе безъ помертвныхъ чудесъ — чрезвычайнаго редкое исключеніе. Напротивъ, иногда повсюду о жизни святого поодѣлу и поодѣлѣтѣ являлся не болѣе, какъ домысливъ предположеніе къ гораздо болѣе обширному и тщательнѣе составленному описанію чудесъ.

Отношеніе авторовъ житій къ фактамъ.

Все условія, вліявшія на литературу житій, имели въ основѣ житія церковно-моралистическій взглядъ на людей и ихъ дѣянія. Было бы однако же болѣе ошудкой думать, что біографъ святого слѣдуетъ въ точности зрѣнія съ историками и моралистами, для котораго поучительны въ исторіи и умолченія объ нравственномъ идеалѣ. Древнерусское міросозерцаніе, на которомъ строили біографы, не способно подыматься на такую моральную абстракцію. Точнѣе опредѣливъ отношеніе созерцаніе, скажемъ, что оно искало только непосредственныхъ наглядныхъ задачъ біографа передъ такими предположеніями было извлечь изъ описываемой дѣятельности графическіе уроки жизни, представить въ біографическомъ чертахъ нравственныхъ парадигмы. Полнѣе равнодушіе, съ какими біографъ относился къ біографическому факту, въ его свойствѣтвѣтвой простотѣ. Это фактъ иль въ дѣлѣ нею цѣну только той оторочкой, которая укладывалась въ описываемыя выше рамки жизни. Такое отношеніе къ факту сообщало біографическому содержанію житій

отличенность, которая дѣлаетъ его неумовленнымъ для простаго повторенія: дорога лишь той стороны явленій, которая обращена къ идеалу, биографъ забывалъ о подробностяхъ обстановки мѣста и времени, безъ чего для историка не существовать историческаго факта.

324. Ахты.

Библиографія:

Зверевъ. Древнѣйшее русское право въ его историческомъ развитіи. С. 1833.

Токмоу. Очеркъ юридическаго вѣда по русской правдѣ. М. М. Н. Пр. 1897 г. VII.

Каченовскій. Изъ разсужденій о русской правдѣ (Чл. Зап. Моск. Уч. 1835 г.).

П. Е. (Токмоу) О русской правдѣ. Сынъ Отеч. т. С. XXV.

Сергѣевъ. Вѣче и князь.

Артемьевъ. Русскія юридическія древности. т. II.

Владимирскій-Будановъ. Исторія русскаго права.

Давыдовъ. Источники права и суда въ древней Руси.

Загоскинъ. Уставная грамота XIV-XVI в. Казань. 1875

Ключевскій. Боярская Дума.

Дьяконовъ. Власть московскихъ государей.

Медановъ. Церковно-земскій соборъ 1551 г. (Истор. Вѣст. 1880. № 2).

Кедровъ. Духовный регламентъ въ связи съ законодательной дѣятельностью.

С. М. Соловьевъ. О сибирскихъ вѣщахъ. Моск. Вѣст. 1897 г.

Во обществѣ первоначальныхъ, не знающихъ еще письменности, все отношенія и недоразумѣнія между членами опредѣляются и рѣшаются на основаніи обычая, основаннаго на религіозныхъ вѣрованіяхъ. На основаніи этого обычая рѣшеніе, напр., какого-либо недоразумѣнія, выражающаго въ приговорѣ старшихъ и закрѣпленнаго какою-либо символическою обрядомъ, играющимъ

роль гражданскаго акта. Объявление войны, какъ и вообще всякій разрывъ международныхъ отношеній, тоже задрт-
лаеся какими нибудь торжественнымъ религиознымъ актомъ
съ символическимъ обрядомъ. Но съ появленіемъ письмен-
ны - судъ, гражданскія акты, государственное управленіе,
отношеніе съ иностранными государствами - все начинаетъ
записываться; являясь такъ назыв. актомъ.

Значеніе государственныхъ актовъ для историка несомненно.
Для полной достоверности принимаются особые меры: они
пишутся въ извѣстныхъ формахъ, скрѣпляясь подписями, пе-
частью, обозначаются годомъ и числомъ. Сегодоважнѣе, на нихъ
прѣжде всего основывается точная хронологія. Если бы даже слу-
чилось, что быковыя данныя, сообщаемыя актомъ, недостоверны,
напр., что въ сраженіи, которое въ рѣшительнѣе предъавляетъ побѣду,
верхъ принадлежитъ не той сторонѣ, которая о томъ заявляетъ
или - если, заявляя о неудавшихся дипломатическихъ перегово-
рахъ, то или другое правительство указываетъ на противника,
какъ на виновника неудачи, тогда какъ это наобо-ротъ -
и тогда актъ имѣетъ несомнительную важность: онъ рисуетъ на-
мъ и намеренія правительства, его наважды, а опасенія и
тѣмъ при помощи, разрывая, друшыхъ данныя вводитъ
въ самую жизнь эпохи.

Съ стороны же бырой каждый актъ есть памят-
никъ неотъемлемый, только надо уметь имъ пользо-
ваться; здѣсь вступаютъ во все свои права внутренняя крити-
ка! Просьбы, подаваемыя правительству отъ словесъ, гордо въ и. п.
могутъ быть не только со стороны быовой: разореніе, на которое они
жалуются, можетъ быть велико, ущербъ не только такъ сильно, какъ
они показываютъ, но историкъ пользуется ими должнѣе, ушорая
тѣмъ жемлою и сличая ихъ истинѣ собою; да же если жалобы не-
верны, историкъ важно знать, на что жалуются, чего просятъ. Па-
мятники юридическіе также важны: они знакомятъ со бытовыми
общества, со степенью его образованія, съ его строемъ обществен-
нымъ, что составляетъ въ сущности самое содержаніе исторіи.

Источники происхождения актов. Государственные акты хранятся, глав.
 оф. в различных правительственных архивах, как-то: Москов-
 ский архив Министров иностранных дел, Государственный ар-
 хив в Петербурге, Архив Министров Юстиции в Москве, Синод-
 ский архив, Архив С. Синода и некоторые др. Происхождению,
 содержанию и разработке этих архивов вышесказано в § 87 и 8.

Акты до-Монгольского периода. Сюда надо причислить, во-пер-
 -вых, договоры первых русских князей Олега, Игоря и Свя-
 тослава с византийскими царями. Эти договоры, относящиеся к
 907, 911, 945 и 971 гг., чрезвычайно важны для изучения
 как политического, так и юридического быта Руси в пер-
 вый период ее истории; так как Русь в Греции ссылались по сво-
 им законам, то здесь находим указания на эти законы;
 указания на то, что посылалось посольство; знакомая нам с по-
 литическими вопросами и предосторожностями, принимавшаяся ука-
 зом на характерной родимой торговле.

2. Договоры Смоленска, Полоцка и Новгорода с польскими
 и ганзейскими городами, знакомая с торговлей, сиречь фран-
 цузскими материалами для знакомства с юридическими от-
 ношениями, ибо в них определены правила суда;

3. Русская Правда, представляющая основной материал для
 изучения права суда, преимущественно касающихся вопро-
 са о вине.

4. Церковные памятники; сюда принадлежат уставы: - св. Ва-
 силия, "о судбах церковных и десятинах", Ярослава - "о судбах
 церковных"; Всеволода Гавриила и уставная грамота Рости-
 слава Мономаховича Смоленского Смоленского епископии. Все
 эти акты приложениям начал церковного права к обы-
 чаям русской жизни, высказывая и изменения, выданные
 официальными лицами русской оф. византийской; посылкая же
 грамота определяет и доходы церкви. Маловажные грамо-
 ты князей церковных и монастырских, напр. Всеволода Гав-
 риила Юрьевичу монастырю 1130 г. представляют ог-
 ромную массу материала, важную для определения

какъ политическаго, такъ и гражданскаго и финансоваго отношенія церкви къ государству. Постановленія же соборовъ, напр., собора 1274г. подъ председательствомъ Кирилла II, рисующія намъ созираніе общецр. въ зрѣль періодъ.

Акты Монгольскаго періода. Сюда относятся: 1) Договорныя грамоты князей, заключавшія въ себѣ изложеніе правъ и обязанностей князей по отношенію къ народу и другъ другу, дающія намъ чрезвычайно обширный и важный матеріалъ для исторіи созиранія тогдашней Руси, отношеній народа къ князю и взаимныхъ отношеній князей и городовъ.

2. Жалованныя грамоты, каковыя названныя пожалованы въ древней Руси всякій актъ, предоставляющій церковнымъ, монастырскимъ, различнымъ корпораціямъ, учрежденіямъ и каждаго лица различнымъ льготамъ и привилегіямъ. Различнаго рода выдаютъ жалованныя грамоты, какъ-то: воинскія, воеводичьскія, мѣщанскія и другія.

3. Уставныя грамоты, опредѣляющія управленіе той или иной областью, приписывающія невольныя привилегіи, изданныя или общими нормами, но опредѣляющія широкое льготное или привилегіальное. Таковы: двинская и Бѣлоозерская уставныя грамоты.

4. Грѣбныя грамоты, заключающія въ себѣ наставленія грѣбнымъ сраженіямъ для служенія подгнанныхъ уголовныхъ.

5. Судныя грамоты, опредѣляющія виды, порядокъ суда, судебныя доказательства, заключающія законы объ уголовныхъ и привилегіальныхъ гражданскихъ преступленіяхъ, къ которымъ принадлежатъ Псковская судная грамота XV в. и Новгородская судная грамота 1456г.

6. Или переводныя памятники церковнаго законодательства заключающія „Номоканонъ“ или Юрическая книга, заключающая въ себѣ постановленія, существующія въ православной церкви на востокъ.

Акты Московскаго періода (съ 1494г.).
Законодательство московскихъ государей выразилось,

главным образом, в судебных делах;

1) Вел. князя Ивана Васильевича 1497 г. и 2) Василия Васильевича, царский судебник 1550 г., заключающий в себе правила судья, руководства наместниками и волостяками, а также и судьям по приказам; 3) Стогник 1551 г., изображающий в официальных чертах положение общества, имеет несомненно важное историческое значение; 4) Упоминанные судебники, дополняясь новыми постановлениями в приказе, составили так наз. "записные книги приказов", из которых наиболее известны, "Уставная книга разбойного приказа". Из этих книг составилось "Соборное уложение" Алексея Михайловича 1649 г.; 5) Местнические книги; 6) Училищные книги; 7) Местнические книги, в которых составлены книги, стали все книги родословные, из которых известна так наз. Бархатная книга (1683 г.).

В поданных брались, крестовые словесные записи, с надеждой бояре, поручники. Воеводы давали, наказы, указы посылались, отписки, приказы вносились между собой, пашалями. По делам судебным процесс начинался, челобитной; за отговоркой посылались присяжные, при ставной пашаля; записанной суд и выданной отговори надывалась, правой пашаля; вопросы окольничих людей поразными судебными делами назывались одесками; сообщение суду и вооду всякое показание назыв. сказкой. Основой землевладения служили документы: духовная, купчая, данная, межевая, отводная, поделная.

Все грамоты сначала писались на пергаменте, а потом на бумагу переписывались, образуя свитки, которые, для удобства хранения, были заведены книги: "записные книги приказов", "таможенные", "писцовые", "дворовые", "застольные", "разрядные", "боярские" и др.

Акты императорского периода: 1) Духовный регламент 1721 г. и 2) Полное собрание законов Российской Империи 1801 г.

имперіи 46 т. (1640—1825) и 57 т. (1825—1880).

§ 25. Сказанія иностранцевъ.

Библиографія:

Таркави. Сказаніе мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ. СПб. 1876г.

Фортинскій. Дитмаръ Мерзбургскій и его хроника.

Середонинъ. Сочиненіе Дитмара Фишера, какъ историческій источникъ. С. 1891г.

Замысловскій. Герберштейнъ и его сочиненіе о Россіи (древ. и Нов. Россія. 1895г. № 9, 10, 12).

Сочиненія Марко Поло переводены на рус. яз. Мамияки-новъ и напечатаны въ т. М. Общ. Ист. и древ. 1861г.

Leissberg. Die polnische geschichtschreibung des Mittelalters. Leipzig. 1875.

Покостой. Сказанія англичанина Горсея о Россіи въ исходръ XV. (Отчетъ зап. 1889).

Барсовъ. Предисловіе переводчика къ русскому переводу путешествія Олеарія (т. въ М. Общ. Ист. и древ. 1868г.).

Несомненно, однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ русской исторіи должно признавать сказанія иностранцевъ, давно обратившія на себя вниманіе въ русской исторической литературѣ. Достоинство этихъ источниковъ определяется, во-1-е, цѣнностью свѣдѣній по описанной сторонѣ жизни русскихъ, — сторонѣ, которая обыкновенно не привлекала вниманія туземцевъ; во-2-е, безпристрастіемъ иноземцевъ и нескриваніемъ въ силу зрѣлой истинны изъ какихъ либо практическихъ соображеній; и, въ-3-е, сравнительно высшимъ образованіемъ, способностямъ поэтому понимать многое и восходить къ общимъ выводамъ. Но рядомъ съ зрѣлыми достоинствами есть у нихъ много недостатковъ, которые не позволяютъ слишкомъ довѣрливо относиться къ этимъ

...иногда. Прежде всего та же способность къ общему выводу
применяется иностранца въ извѣщеніе, именно, къ лести общи-
на совершенно случайнымъ явленіямъ; но зрѣе относится къ бол-
ше или меньшей наблюдательности и осторожности пишущаго.
Въ древнія условія, которыхъ имѣли иностранцы до-
бавить истинныя свѣдѣнія, зрѣе обыкновеніе русскихъ родко-
сти дасть нѣсколько естественнымъ истинныя свѣдѣнія или изъ-
ясненія почитать надъ иностранцами, или изъ за па-
рижескихъ цѣпей и зрѣе измѣненное положеніе иностран-
ныхъ пословъ, преобладающее повсѣрвовавшейся въ Россіи, въ ко-
торое изъ ставило московское правительство, замирая въ посоль-
скомъ дворѣ и давая единственному посредниковъ съ жизнью
приравновъ, зрѣе которыхъ, всегда готовыхъ поддержать важность
всего правительства и народа, могли имѣть узнавать толь-
ко искаженія. Это же касается наблюдателя иностран-
ца новой эпохи русской исторіи, то усиленіе Россіи и въ
саму зрѣю неслыханность взгляда на нее, многія осо-
бенности исторіи частной, общественной и государствен-
ной жизни Россіи, не представляющія аналогій въ запад-
но-европейскомъ обществѣ, препятствовали иностранцу
не только безпристрастно сообщать, но даже достато-
чно понимать явленія наблюдательной или жизни.

По древности сообщаемыхъ свѣдѣній о Россіи на пер-
выхъ мѣстахъ стоятъ греческіе и римскіе писатели — Геродотъ¹⁾
и Страбонъ²⁾ и Тацитъ³⁾. Неудачи непо-
срѣдственнымъ наблюдателями, они сообщаютъ слава-
нахъ вообще и въ частности о народахъ сѣв.-вост. Евро-
пы, подъ которыми разумеются русскіе, талокоръ,
то могли слышать въ легендарной передачѣ зрѣе совре-
менниковъ или предшественниковъ; въ болышинствѣ
случаевъ сообщенія одъ обидѣлихъ сѣв.-вост. Европѣ
рыбачны и турманны, хотя бывають и не лишены
истины.

Византийская имперія рано подверглась напад-

нѣю славянъ и потому въ сказаніяхъ византійскихъ историковъ, начиная съ IV в. есть много неподобствъ и вѣстей о нравахъ славянъ, а въспомодемъ и русскимъ. Первый, сообщившій важ-

- 1) ные свидѣтельства о славянахъ, былъ Прокотій IV; въ его исторіи много важнѣе свѣдѣній о древнихъ доухъ и религіи славянъ.
- 2) Еще болѣе сообщаятъ императоръ Маврикій (IV); его „страфимика“ имѣетъ цѣлою показать способы борьбы съ варварами, основанные на изурненіи ихъ нравовъ и обычаевъ. Пафр. Ротій, дѣсь бы и посланія котораго важны для исторіи крещенія Руси.
- 4) въ IV в. Идръ сочин. Константина Багрянор. (XV) важны для русской исторіи; „О управленіи имперіей“, гдѣ онъ излагаетъ сѣностроихъ, какъ онъ долженъ обращаться съ варварами, междоусобицами и съ русскими, и „О церемоніяхъ византійскаго двора“, гдѣ разскажетъ о пришествіи Омицъ. Въ X же вѣку описуя Левъ Дьяконъ, сопровождавшій Цимисхія въ его походы и описавшій войну Святослава съ греками.

У писателей мусульманскаго Востока тоже встрѣчаются свѣдѣнія, касающіяся древней Руси. Восточное превеличїе, богатство франкѣвъ, неопредѣленность ихъ географической компетенціи и восточное правописаніе мнѣмалѣе нѣрвѣ додѣвать оу нихъ истинныя свѣдѣнія, но не смотря на оу восточныя извѣстія, по причинамъ доказаннымъ наобѣдками монетъ древнихъ соисеній Россіи съ востокомъ, весьма важны для русскаго издѣлывателя.

Важнѣйшіе изъ арабскихъ писателей:

1) Ибнъ-Фарманъ (XV), участвовавшій въ походѣ оу Хамифа къ новообращенному болгарскому царю и оубившій извѣстія о болгарахъ, хозарахъ и руссахъ.

2) Ибнъ-Хордадхе (XV), имѣвшій по своей близости къ Хамифу доступъ въ государственное архивъ, сочинивъ „книгу путей и государствъ“, гдѣ говорится оу Славянъ.

3) Тараби (X), оставившій „исторію царей“, гдѣ много неподобствъ свѣдѣній о хозарахъ.

Масуди (X в.) - знаменитый путешественник и энциклопедист, автор великого сочинения "Золотое поле", где говорится о народах Руси по Каспийскому морю.

Ибн-Доса (X в.): в его сочинении много сведений, проливающих свет на этнографию народов, населявших Юга России.

В X в. описывая самый важный Евразий, живший в Испании, много путешествовавший и написавший для султанского короля Ратера большое сочинение о географии, где много раз упоминаются сведения о Руси и Польше.

Западные писатели интересовались Россией совершенно совершенно совершенно, начиная с христианства. Важнейшие писатели, сюда относящиеся, следующие: Дармар Мерзбургский (X и XI в.); в его сочинении, кроме важной информации о Польше, находим и сведения о Владимире и Святославе; Бруно, немецкий миссионер, посетивший около 1008 г. Киев и сообщивший о своем путешествии императору Генриху II. Из польских летописцев замечательны: Мартина (XIII в., сообщавший о мейсеновских сыновьях Владимира и крестящихся Болеслава Храброго, В. Казимир, епископ Враховский, передавший сведения о Романе Мстиславиче Галицком и Яне Дирго, в громадной коллекции которого из первоначальных летописцев польских, русских, прусских заключены много неопубликованного материала для своего времени.

Путешествия западных европейцев к татарам, знакомили нас с устройством татар, давая сведения о России. Важнейшие: Плано-Карпини, который в XII в. посылал к хану Гаяку в Великую Монголию по поручению от папы Иннокентия IV. Это путешествие - одно из самых важных источников для сведения татар; для нас важно замечание о проходе через Россию и в вел. князя Арслава. Рубик, голландский монах, посланный Людвиком IX к хану Ману по ложному известию, будто этот последний принял христианство. Знаменитый венецианец Марко Поло (XIII и XIV в.) также ушел в Монголию.

Ману

2

въ Кифаре, при господствѣ монгольской династіи, посещавъ Индію, Персію. Триболода (XIII в.), создавъ новый географіи, какъ его называетъ Маммедовъ въ своей книгѣ, сообщая свѣдѣнія о татарахъ, важныя для насъ, касаясь Татаріи и Россіи. Т. Бартоло (XIV в.), венеціанскій дворянинъ, посѣтившій Тану (кит. Азовъ) и оставившій описаніе азовскихъ татаръ и краѣвъ, по мнѣнію Аноніа о Московіи и ея вѣрнѣйшихъ мѣстъ.

Въ уменьшеніи московскаго государства число писателей о Россіи значительно возросло. Посолъ венеціанской республикѣи А. Контарини, на обратномъ пути изъ Персіи побывавшій Москвѣ при Иванѣ Васильевичѣ (1473 г.) и передавшій о ней много важнѣе свѣдѣній; замѣландецъ А. Кампелле, писавшій къ папѣ Клименту VIII мнѣніе о Московіи; о которомъ онъ зналъ отъ отца и брата, долго жившій въ Москвѣ; С. Герберштейнъ, побывавшій два раза (1517 и 1525 г.) въ Москвѣ при Василіи Ивановичѣ. Сочиненіе его „Рисит Московитичитъ commentarii“, бывшее плодомъ его путешествія, одно изъ самыхъ капитальныхъ произведеній, писанныхъ иностранцами о Россіи и одно изъ самыхъ важнѣе источниковъ для изученія русской исторіи. Кроме мнѣній воспоминаній и наблюденій, Герберштейнъ ввелъ въ свое сочиненіе много русскихъ памятниковъ и пользовался кроме того мѣстными.

Въ 1553 г. начинаея сношеніе Англій съ Россіей и рядъ путешествій англичанъ. Первый изъ нихъ Чеккеръ, побывавшій въ Россіи при Грозномъ и оставившій описаніе своего путешествія. С. Горсей, жившій въ Россіи почти безпрерывно въ теченіи 15 лѣтъ и помѣщающій въ нашей исторіи много важнѣе свѣдѣній. Въ дописаніяхъ цесарскаго посла Т. Ковеницыя и сочиненіяхъ секретаря его Даніила фонъ-Бухау также замечается чрезвычайно много мнѣній свѣдѣній о Россіи. Знаменитѣйшій изъ нихъ Анжоній Посевинъ, привозившій для проповѣди въ чинѣ, какъ извѣстно, потерпѣвъ неудачу, оставивъ и разсказъ о своихъ преніяхъ, рядъ дипломатическихъ сношеній и описаніе Московскаго государства. При Федорѣ Ивановичѣ посѣтилъ Россію въ 1582 г. Дж. Реландъ, посолъ королевы Елизаветы, докторъ правъ; продолжалъ въ Россіи

Григорьев. Въ своихъ сочиненіи, которое можно považать, по-
ложивъ въ вопросахъ финансовъ, поравить на ряду съ книгою
Григорьевымъ, онъ даетъ географическій очеркъ Россіи, говоритъ
о ея правленіи, воарской думѣ, земскихъ соборахъ, одо-
бренныхъ государя; описываетъ положеніе простого народа,
о судопроизводствѣ, администратіи, флотъ, войска, финансы,
войска, способы ведения войны, религію, нравы и
обычаи. Сочиненіе, написанное по непосредственнымъ наблюде-
ніямъ и разсказамъ, особенно Горея, не лишено, конечно,
ошибокъ, но отличается строгостію сужденій.

Скаданія современниковъ о сущности времени, какъ по
количеству, такъ и по качеству представляють догарій матеріалъ
для исторіи упомянутой эпохи.

Летопись "Московская" в. Буссова, дано жившаго въ Рос-
сін, куда онъ переселился въ Володу, и оубавившаго упомя-
нутыя сочиненіе съ Федора Ивановича до разоренія Москвы.
(1584-1612). Будучи человекомъ наблюдательнымъ и об-
радованнымъ, онъ сообщаетъ свѣдѣнія, достовѣрность
которыхъ подтверждаетъ актии; даетъ мастерскія ха-
рактеристики Бориса, Самозванца и Василия Шуйскаго,
описываетъ все царствованіе Федора Ивановича, Бориса
Годунова, Самозванца, періодъ междуцарствія, изгнато-
рства, про Дмитрій Самозванецъ недѣль истинныхъ
царевичемъ; правленіе Василия Шуйскаго и бѣдальность са-
мозванцевъ или смутную эпоху. Но при всѣхъ своихъ не-
оспоримыхъ достоинствахъ въ его сочиненіи проглядываетъ
лишкомъ строгое сужденіе русскія, на которыхъ онъ
смотритъ, какъ на идолопоклонниковъ, и явное при-
страстіе къ новшамъ и помехамъ. Маржеретъ, капи-
танъ иноземныхъ войскъ хранилси Бориса и Дмитрія
Самозванца, отличающаяся добросовѣстностію въ своихъ со-
общеніяхъ, большою наблюдательностію и тонкимъ умомъ.
Въ своихъ сочиненіи, "Востаніе российскаго государства въ на-
чалѣ XVII в.", посвященномъ королю Генриху IV, онъ гово-

Дисс.

V

рять, прежде всего, о пространствѣ, климатѣ и естественныхъ произведеніяхъ Россіи, о свойствахъ русскаго народа; описываетъ дѣловое правленіе Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Самозванца, Шуйскаго, излагаетъ свои мнѣнія о Алексѣе Михайловичѣ, а также подробно касается религіи, гражданскаго устройства, государственной дорожной, монетной, войска и почты. Важны также записки Нюрнбергскаго купца Г. Пазерле, прибывшаго въ Москву въ слѣдующее время съ товарами для торговли. Позднѣе долговъ оградѣнъ, попалъ въ плѣнъ, и пробылъ въ Вѣнѣ. Въ это время онъ и написалъ описки свои дневники; въ первой части его онъ говоритъ о Самозванцѣ, во второй же описываетъ волненія въ Москвѣ и дѣлаетъ замечательный разсказъ о пути Самозванца въ Вѣну. Кочнего нѣтъ Томаса уна Маркережа, повѣствователя-наго таланта Бурсова, — вселихъ его сочиненіи проливаютъ нерасположеніе къ московитянамъ.

Изъ польскихъ писателей этой эпохи важны дневники, веденный польскими послами Оленинскими и Конисовскими (1602), въ которыхъ описано какъ посольство такъ и заключеніе посольствъ. Важны также Масловича описанія къ предпринятому весьма важнымъ дополненіемъ, изображающія въ безпристрастномъ разсказѣ положеніе поляковъ въ Москвѣ. Также важны дневники Марини Мнишека, касающіяся нѣкоторыхъ событий этой эпохи. Новѣйшее всѣхъ записки Германа Матковскаго, знаменитаго полководца польскаго, который былъ самъ действствующимъ лицомъ въ событіяхъ слѣдующаго времени.

Изъ иностранцевъ, писавшихъ о Россіи въ царствованіе Михаила Федоровича, самый важный Адриан Олеарій, оставившій подробное описаніе путешествія голландскаго посольства въ Московію и Персію и обратившій два раза въ Россію: въ 1634 и 1636 г. на пути въ Персію и обратно. Сочиненіе Олеарія, сохранившееся въ книгѣ, поданной

наблюдательности автора и по добросовестности его показаний,
 а именно: о соображении наших сведений о правде и собо-
 рности одних и тех же важнейших исторических для изы-
 сания XVIII. В 1^{ей} книге оны описываются "первое путешествие
 в Москву и покоемные обычаи русских" (пріемъ, правдо-
 вание Нового года, крестный ходъ); во 2ой - второе посольство;
 въ 3^{ей} в Москву, предостереженіе, отпуски въ Персію; въ 4ой па-
 раллельно описываются русское государство: области, реки, климатъ,
 животн., растения, воинский видъ русскихъ, нравы и обы-
 чии, домашній докъ, пища, бракъ, положеніе женщинъ,
 вѣнчаніе, власть и полиція; о Московскихъ великихъ княз-
 яхъ, о вѣнчаніи царей, о доходахъ и расходахъ государства,
 о войскахъ и вѣдѣхъ великаго князя, о его свадѣхъ, о возмуще-
 ніи въ Псковѣ, о боярахъ, приказахъ, судахъ, законахъ и
 наказаніяхъ, о ремеслахъ, письмахъ, явкахъ, чинахъ,
 правдникахъ, богослуженіи, церквяхъ, о крестномъ знаме-
 нии, о святыхъ, о духовенствѣ и монахахъ, о похоронахъ, погребе-
 ніи и охъ извозныхъ исповѣданіяхъ; въ 4ой книгѣ
 описываются путь изъ Москвы по рр. Москвѣ, Оке и Волгѣ;
 далѣе говорится о Астрахани, Ногайхѣ, о 2ой кораблекру-
 шеніи, Шемахѣ и Испahanіи; въ 5ой заключается описа-
 ніе персидскаго царства и, наконецъ, въ 6ой - описываются
 обратное путешествіе, изъ упоминается о татаряхъ,
 прибытіе въ Москву и ортода возвращеніе домой.

§ 26. Записки и мемуары русскихъ людей.

Библиографія:

1. Сказанія князя Курбскаго, издан. Устрялова 1833 г.
2. Рукопись Филарета, изд. Фаддеемъ Мухоморовымъ въ 1837 г.
3. Сочиненіе Коринниана о Россіи въ царствованіе Алексея Михайловича; изд. Археограф. Комиссіей Грота въ 1840, 53 и 57 г.
4. Записки Андрея Артамоновича Матвѣева,
 Миско 1831

Ивана Арханасевича Меладубжского и Петра Никифоровича Крехишча. Изданы Ситаровичъ въ запискахъ русскихъ людей."

5. Жизнь и приключения Андрея Бологова; изд. Русской старины 1871-72.
6. Дневникъ Храповицкаго; изданъ Барсуковыми, послужившимъ въ предисловіи и биографіи его.
7. Дневникъ Порошина; изд. въ 1881г. въ исправленномъ и дополненномъ по новымъ рукописямъ видѣ редакціей "Русскаго Вѣстника".
8. Записки Ник. Алекс. Саблукова; напечат. въ "Рус. Архивѣ" 67г.
9. Записки М.В. Данилова; напечат. въ "Рус. Архивѣ" 1883.
10. Мемуары Екаѣрины Романовны Дашковой въ подлинникѣ пофранцузски; помѣщены въ "Архивѣ кн. Воронцова" кн. XLII, "Mon histoire".
11. Сочиненія Екаѣрины II. Изданы Смородиновымъ.
12. Гротъ. Коринѣиновъ и его сочиненіе. "Свѣт. Отг. рус. языка и словесности" Мил. Ак. Научъ. 1882г.
13. Печарскій. Русскіе мемуары XVIII в. Собр. 1855г.
14. Геннади. Записки русскихъ людей. "Ученія въ Москвѣ. Общ. Исторіи и Древностей". 1861.
15. Сухомлиновъ. Исторія русской Акад. Науч. ч. 1-я 183 (о Дашковой).
16. Селевскій. О Дашковой. Русская Старина. 1879.
17. Печарскій. Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екаѣрины В. (СПб. 1863).
18. Селевскій. "Дневникъ Порошина". Русский Вѣстникъ. 1866г.
19. Мушкетерскій. Императрица-публицистка. (СПб. 1887г.).

Записки и письма русскихъ людей представляютъ собою видъ историческаго матеріала, получившаго начало въ XVI. До этого времени мы видимъ

записки, отдельные сказания и жития. Они представляють или
 записки современниковъ описывающихъ или событій, такъ на-
 правляя записки, которыя ведутся изъ доброй вѣдѣно, или воспомина-
 ния человека прошедшаго, или мемуары событій, участвовавшихъ
 въ нихъ сами авторы. Въ этихъ изъ трехъ родовъ и недостат-
 ки. Они не имють характера официальнаго, такъ авторы
 не сражають большого калоу и капризма правления и записыва-
 ния или событій не имють государственной важности. Впрочемъ,
 некоторые изъ нихъ народились близко у дѣла правления, и такая
 записка очень важна. Но если даже въ мемуарахъ описывается
 частное событїе, то и тогда они имють важное значеніе, какъ
 источникъ оныхъ то или друга подробностей, освѣтитъ ту
 или другую сторону известнаго событїя. Несмотря, однако,
 на такое относительное важное значеніе записокъ современниковъ,
 необходимо тріеково или пользоваться, имья въ виду, управ-
 ры изъ склонны къ субъективизму и тенденціозности; необходи-
 мость критики, съ одной стороны обуславливаетъ тріе, что
 автору свойственно преувеличивать событїя, въ которыхъ онъ уча-
 ствовалъ лично, а съ другой — тріе, что много мемуар^{исты} сообра-
 жая записки частными интересами. Записки эти по
 времени, въ которыхъ они описаны, можно раздѣлить на
 три группы: 1) Записки русскихъ людей до-Петровской эпо-
 хи; 2) Петровской эпохи и 3) послѣ Петровской.

Записки русскихъ людей до-Петровской эпохи.

Здесь на первомъ планѣ сражають записки князя Курбскаго;
 главное сочиненіе его „Исторія великаго князя Московскаго“
 написанное въ формѣ мемуаровъ. Князь Андрей Михайло-
 вичъ Курбскій, по происхожденію половецъ Ярославскій кня-
 зь враждовавший съ князьями московскими; съ раннихъ
 лѣтъ находился на службѣ у великаго князя Московскаго,
 онъ участвовалъ въ казанской походѣ и въ походѣ противъ
 крымцевъ; далѣе служилъ во все царствованіе Ивана Гроз-
 ного вплоть до 1563г., когда переша въ Литву. Съ э-
 того времени начинаеться его извѣстная переписка съ Грознымъ

Въ 1663г. онъ написалъ первое свое письмо къ Ивану W, на которое въ скоромъ времени получилъ отвѣтъ. Поводомъ къ написанію "Исторіи вел. кн. московскаго" послужили вопросы по поводу извѣстныхъ мужей, — почему произошли перемѣны въ характерѣ Ивана Грознаго. Содержаніе его исторіи занимаетъ значительную часть царствованія Грознаго, начиная съ его воспитанія. Онъ говоритъ о потворствѣ бояръ, результатовъ чего было развращеніе и интрижки, о мѣтахъ въ исправленіи Ивана подъ вліяніемъ Симеона и Адашева, о казанскихъ походахъ, о покореніи Астрахани и Ливонской войны. Вторая часть говоритъ, "о томъ дѣлѣ" — тутъ онъ рассказываетъ о поведеніи боярскихъ и дворянскихъ родовъ, о страданіи священниковъ и въ заключеніе сравниваетъ Иоанна съ другими мурзьями. Про сочиненіе Курдскаго замѣчено отъ автора, что въ то время историческіе помыслы до XVIIв., — оно проникнуто прагматизмомъ. Основная мысль сочиненія заключается въ томъ, что Иванъ въ первую половину своего царствованія, находясь подъ вліяніемъ добрыхъ советниковъ, стяжалъ себѣ славу, но потомъ изъ-за добрыхъ советниковъ, изъ-за славы. Историческое значеніе этого сочиненія очень велико, какъ современника и человека умнаго и очень образованнаго по своему времени, но въ то же время оно въ высшей степени фреденциозно. Это скорее памфлетъ, особенно вторая часть, чѣмъ строгое объективное изслѣдованіе, однако, не смотря на это, рассказы Курдскаго о мурзьяхъ Грознаго почти все подтверждаются другими источниками. При чтеніи исторіи Курдскаго необходимо принять во вниманіе собственное сужденіе самого Грознаго — по его собственнымъ письмамъ. Курдскій говоря о порокахъ мурзьяхъ, не указываетъ на причины. Грозный же указываетъ на дурное воспитаніе, на фактъ боярскаго самовластія и т.д. Письма Ивана должны поправить и исправить исторію Курдскаго. Литературное значеніе этого памфлета также очень велико; при сравненіи писемъ Ивана съ сочиненіями Курдскаго замѣтна громадная разниця. Несмотря на Курдскій

успешно исполнило, что по письму — некоторые материалы трудно сличить. Напротив, сочинения Курбского читаются в удовольствие и в настоящее время; они лучший материал своего времени. Его сочинения издавать в двух томах: Третьяковским.

Сказанія объ осаде Троицко-Сергиева монастыря Авраамія Палицына. Сочинение это обвиняется эпоху кончины Ивана Васильевича до воцарения Михаила Федоровича и особенно останавливается на смутном времени и осаде монастыря. Главный его недостаток состоит в том, что он слишком преувеличивает значение древней Троицкой обители и своих сочинений.

Рукопись Филарета (от 1606—1613) по позднейшим изысканиям не подтверждается, а была только составлена в его время и была исправлена. В этом сочинении особенно интересны данные о Скопине Шуйском, Ляпунов и Чернышев.

О России в царствование Алексея Михайловича — Курбский. Это чрезвычайно важный исторический памятник Курбский — подьячий Московского приказа. Когда князь Долгорукий побуждал его сдать ложный доклад и угрожал ему, он уезжал в Польшу, а потом в Швецию, где написал свое сочинение, которое было найдено в городе Упсале профессором Соловьевым. Теперь оно вышло уже третьим изданием. Состоит из 13 глав, разбитых на 234 статьи и рисует подробно все внутреннее состояние Московского государства, много в виду, глав. обр., иностранную публику. Курбский подробно касается всего устройства государственного управления, суда и судопроизводства и материально нарисовал картину пригородных, общественных и частных обывателей эпохи. Много сведений находим у него о делах военных, торговых и земских; о церкви почти ничего. По своему огромному значению памятник этот может быть поставлен наряду с сочинениями Свѣта Кривоногова. Таковы главные

писки русских людей до Петровской эпохи.

Записки русских людей Петровской эпохи.

Записки Симеона Междодева. Междодев был подвиж-
ник; поборник славянолюбия словесно у Симеона Полоц-
кого и прославился своими спорами о греческих учени-
ках; заступил отъ являея въ качествъ строителя и настрояея
Законоспаскаго монастыря; за укасе въ воровствъ строгосу-
казанъ дукъ былъ казненъ. Въ своемъ сочиненіи, онъ изобразилъ
первый строгосудскій дукъ 1686г. Онъ большой поклонникъ ца-
ревны Софьи и относится къ ней съ большимъ пристрастіемъ.
Междодев имѣлъ свободный доступъ ко двору и былъ кан-
целяремъ въ патриархи. Этою близкостю къ думамъ и под-
визаея, почему мы находимъ въ его сочиненіи большое коли-
чество официальныхъ документовъ. Значеніе это памятни-
ка для исторіи 1го строгосудскаго дукъа велико.

Записки графа Андрея Артамоновича Матвѣ-
ева, оставившаго по себѣ воспоминаніе, какъ объ образован-
іи человека своего времени и подорникъ европейскаго
просвѣщенія. Авторъ былъ сынъ боярина времени Алексея
Михайловича, извѣстнаго своею плачевною судьбою; онъ под-
верженъ опалѣ и ссылки, поборникъ вернувшись, срылся въ
дѣлѣ и жертвою строгосудскаго дукъа. Автору было
тогда только 16 лѣтъ, и онъ составилъ поборникъ разсказъ объ этихъ
событіяхъ по своимъ воспоминаніямъ. Часть его сочиненія вы-
ражена въ такіе слова: „сей авторъ не за молодость свою и
не за праздную себѣ хвалу, коия общей вѣселии памя-
ти оныхъ потишина сей малой трудъ принять, дабы
всегда въ Россійскомъ государствѣ благоразумны и много-
любны чинами, вразумляющіеся поспѣшно къ будущему
успѣху своему, для познанія родящихся соновей своего
рода въ родѣ „оставили незабвенно“. Эти записки и упомяну-
тая нами Симеона Междодева взаимно дополняютъ
другъ друга и служатъ важными матеріалами для
описываемой эпохи.

Записки Мелюбужскаго (съ 1682 - 1709) представляют собою краткий сухой дневникъ, просто собранныхъ матеріаловъ, относящихся до суда и наказаний за преступленія, что даетъ намъ поводъ думать, что онъ служилъ въ судѣ. Это довольно вернотверъ фактъ другого рода; фактъ, напр., расказъ о сѣтующемъ ширинкѣ, интересной для характеристики правовъ того времени и соотвѣствующій въ томъ, какъ описанъ ширинкѣ, орудившій народъ съ цѣлою волнами денегъ, но расказъ, являющийся только кырши, чтобы погрѣть только расказывать о наказаніи и судѣ, которые служили ему за его плутни. Записки эти содержатъ много оффиціальное документальное.

Записки новгородскаго дворянина Крешинска. Крешинскъ служилъ при Петрѣ Великомъ и былъ подверженъ суду за взятки; погрѣвъ былъ помилованъ и всю жизнь посвящая собиранію матеріаловъ о Петрѣ Великомъ. Онъ былъ воистинну поклонникъ Петра. И потому онъ собиравъ матеріалы и погрѣвъ они дополнялись въ реченіе. Былъ, но сохранился изъ этого только начало царствованія Петра съ рожденія до Азовскихъ походовъ включительно.

Исканы Сазаровы въ „Сказаніяхъ русскаго народа“. Характерной чертой записокъ является полное отсутствіе критики; извѣстия передаются въ историческомъ формѣ, хотя авторъ и старается утѣрять истину въ прозаическомъ. Записки содержатъ, впрочемъ, много оффиціальное документальное. Для того, чтобы покорить съ записками русскіхъ людей Петровской эпохи, намъ оубраея рассмотреть путешественныя записки русскіхъ молодыхъ людей, посланныхъ Петромъ Великимъ за границу. Записки Неплюева начинаются вѣрнее Петра Великого и кончатся царствованіемъ Екатерины II. Записки эти заключаютъ въ себѣ рядъ расказовъ, характеризующихъ жизнь молодыхъ людей, отправляемыхъ Петромъ за границу и рядъ впечатлѣ-

ний ихъ ихъ путешествій и ихъ заграничной жизни.

Петлюевъ передаетъ, что, ухитрясь онъ въ Академіи съ французскими гардемаринами навигации, инженерами, артиллеріи, рисовать магіабы, какъ корабли строятся, вою маневры, т. е. оснащать корабли, артикурию, солдатскому танцевать, на шпалахъ биться, на лошадахъ поддти. Когда онъ пріѣхалъ въ Амстердамъ, тамъ было около 50 русскихъ; они обучались экипажеску, механикѣ, шовному и сюрмарному ремесламъ. Положеніе русскихъ людей за границей было почти что очень затруднительно во тѣ, отъ неуманія иностраннаго языка и потому отъ скѣднаго ихъ содержанія, содержавшихъ челоуки постранныя жалобы и просьбы вернуться домой. По возвращеніи домой и въ самими Петровымъ были учреждены экзамены. Петлюевъ вѣстительно оловы держалъ и были определены къ навигационному отъу датовымъ Петлюевъ отыскиваетъ свое пребываніе въ Констаинуполи, когда онъ отправился домой туда въ качестве посла. Но самый интересный рядъ разсказовъ относится къ тому времени, когда онъ управлялъ Оренбургскими краями. Основное содержаніе записокъ относится къ предкии ками Петра Великаго. Петлюевъ типомъ Петра и восхищенный его поклонникъ; къ ео реформаторской деятельности онъ прешполагаетъ самымъ высокимъ чинъ сего: "Сей монархъ охотство наше привелъ въ сравненіе съ прочими, нашими узнать, что и мы люди, одними словами, на что въ Россіи не взяли, все ео началомъ шло и что бы впредь не думалось, отъ сего источника черпать будущее." Приведши еще некоторые отрывки изъ записокъ Молодцова еодей, посланныхъ Петровымъ за границу. Они расходятъ къ современному Россіи, но тамъ авторомъ и въ положеніе, въ которомъ они очутились въ чуждой стране. Образованіе ихъ весьма поведеностное, что и отражается въ ихъ запискахъ. Вотъ, напр., выдержка изъ дневника Молодцова: "Есть въ Варшавѣ одна палата

вилка, которую поляки называютъ шва сенаурская; въ три
 палатъ у поляковъ два сѣмьи; у которой палаты окна ве-
 шкия и оконныя двѣ сѣмьи сѣмьи, все повешено и
 окна раздѣлы отъ кестройкалосовъ и отъ кестройкалоса, во
 всякомъ дѣлѣ, пѣньи поляковъ, а похвалы королевскія па-
 латы отъ той палаты далеко". Авторъ этой выдержки,
 бывавъ въ Варшавѣ, рьяно обрадовалъ вниманіе на окна.
 Еще нѣкоторые описанія о германскомъ народѣ: "на-
 родъ германскій мужеска полу и женска немалодѣ-
 лѣнъ и убогъ; много поселяне носятъ кафтанъ сермяжисты,
 также и женскій полъ германскій платья носятъ
 свободъ модою, зымо короткія — только похвалы, а на го-
 ловѣ женскій полъ носятъ шляпы высокія, тонкія, ва-
 ленныя и въ бараньей шерсти; около шеи носятъ широкія
 полотняныя бриважки, какъ жиды и жидовки но-
 сятъ, которые тавятъ въ Польшѣ. Вода въ Германіи зымо по
 употребленію Пеловъ не замерзаетъ... отъ той воды въ Гер-
 маніи люди много мужеска и женска полу широкіе
 подбородки дѣлаютъ великіе около шеи, а пале на горла-
 ныхъ жемьяхъ великіе, и отъ того много и въ нихъ го-
 ворятъ о великой трудности". Затѣмъ онъ описываетъ
 Венецію и нравы ея жителей: "Народъ женскій въ Венеціи
 зымо благообразенъ и строенъ и полуросенъ, тонко и
 во всемъ изряденъ, а къ руркошю дѣлу не очень охотъ; ба-
 ше заживаютъ въ прохладахъ — всегда любятъ гулять
 и быть въ забавахъ и ко грѣху тѣлесному зымо сла-
 бы. Все время Карнавала ходятъ все въ маскарахъ
 мужичины и жены и дѣтви и гуляютъ все невозбранно,
 къ грѣху охотъ и ни къ какому не знають". А вотъ, напр., вы-
 держка изъ дневника неидеальнаго, который долгое вре-
 мя приписывали Петру Великому, но оказалось, что онъ
 принадлежитъ одному изъ молодыхъ людей, послан-
 ныхъ Петромъ въ границу: "было, гдѣ собираются два
 жды на недѣлю ученье людей и диспутуютъ проше-
 Листъ при

жду собой о разных вещах богословских и философских; видны
розы, у которой пила на носу - величина она с медальоном
лун; тут же видны розы, которая обвивалась корд
она маленькая, прилипает ко рту инокше и от того об
вивалась кордаль. Еще более характерно его описание фот
на в Тену, сооруженного знаменитых иудейских. Фот
ны превеликие: три лошади, на них сидят; у средней
лошади из живота вода течет, а у двух ивк казней; кру
гаво уль лошадей работы маленькие ивк ирамола всто
тены, сидят и воду пьют. Все эти дневники предельна
ют немалый интерес для характеристики умственного со
стояния людей Петровской эпохи. Этими мы и покон
чим с эпохой Петра и перейдем к следующему.

Мемуары русских людей при преемниках Пет
ра Великого. В течение времени число записок и ме
муаров постоянно увеличивается. Выделяем предельна
ют наибольший интерес.

Записки фельдмаршала Миниха и сына его Эрнста
Миниха. Фельдмаршал Миних предельнают ивс
дачина и наибольшего человека и талантлив
го писателя, который сочинил своим делом иностранцам
покаже обитательных согражд России после Петра Вели
го. Сын его, Эрнст Миних, написал сочинение: „Записки
р. Миниха, сына фельдмаршала, писанные им для
дочери своей“, которое заключает ряд рассказов описыва
ющих вранья его отца и дает вярная характеристи
ки Анны Ивановны и вл царедворцев. Они написаны про
сто и безыскусственно

Записки Екатерины II.

Записки Якова Шаховского (1719-1766) интересны для
характеристики внутренних отношений в государстве.
Яков Шаховской - деятель и санатор вранья Елизавет
ты Петровны и Екатерины II. Серьезу свою он начал в
полю; потом отправился в Малороссию к своему де

дѣ, правдиво поспѣвшей. Ему уже открывалась видная карьера, когда судьба послала радъ характерныхъ испытаній. Онько спорилъ съ Бирономъ, защищая свободу даго Даниша Ансѣра; но въ тоже время находить себѣ покровительствъ у Арташеса Волынскаго, о пріятномъ знакомствѣ съ которымъ онъ подробно рассказываетъ въ своей запискѣ. Однако, Волынский скоро былъ преданъ всемогущимъ временническимъ суду и казнѣ; потомъ взялись и за молодичевъ Волынскаго; такимъ образомъ, планы Шаховскаго не осуществились, и онъ принужденъ былъ удовольствоваться скромными мѣстами въ полиціи. Рассказываетъ онъ, между прочимъ, какъ однажды его пригласили Биронъ, какъ онъ вошелъ въ переднюю, гдѣ толпились люди, унылые и зловѣщіе, какъ Биронъ посадилъ его, предложилъ кофе, обласкалъ; мечты опять зародились въ немъ въ головѣ, какъ вдругъ Биронъ былъ свергнутъ, и мѣсто его заняло новое правительство въ лицѣ Анны Леопольдовны и Микиты. Опять повторилась прежняя исторія, — онъ снискалъ расположение Головкина, судьба ему уже улыбалась, какъ вдругъ произошли дворцовый переворотъ и на престолъ вступила Елизавета Петровна. Испытавъ столько превратностей, онъ, наконецъ, назначенъ былъ Оверъ-Прокуроромъ Синода; хотя здѣсь и пришлось ему выдерживать борозду, но все же онъ рассказываетъ намъ о своихъ пріятныхъ впечатлѣніяхъ, какъ пострѣли въ Синодѣ, какъ пришлось тамъ ему играть почетную роль и т.д. Потомъ онъ долъ назначенъ генералъ-комиссаромъ и оверъ-прокуроромъ въ Сенатъ; а въ началѣ царствования Екаѣрины II Сенаторомъ, принимавъ участіе въ комиссіи уложенія и, наконецъ, вошелъ въ ордаку. Какъ мы видимъ, записки Шаховскаго знаменуютъ насъ только съ его служебной дѣятельностью, — разъ былъ только въ комедіи, говоритъ онъ, да и тогда тамъ были одомоноты; но въ зрѣлихъ то иль и интереснѣе знакомая намъ съ законодательной дѣятельностью

правительства; они же раскрываются перед нами во всем производстве и судопроизводстве в Синоде и Сенате. Шингарь, по которому интерес и аллюдиция энциклопедии. Однако же он проектировал отвести часть императорских покоев под библиотеку и за это посылал укрывать — посылать опасного боярына в его, Шаровского, квартиру, при этом не стесняясь его кабинетом и спальней. Пожелавши прийти отправление в свиту Остермана и Головкина, своих бывших знакомых. В введении он говорит, что его заставило писать записки, это — просба некоторых добрых людей и служебное настояние. Характерные черты автора записок: — неподкупная честность, прямота и честность. Честность его подвергалась однажды большому искусу. Он предложил, чтобы судно для армии покупалось в России, а не привозилось из Англии. Ему предложена была взятка в 25 тысяч рублей, но он, хотя и не без борьбы, отказался от нее. Это характеризует его честность, столь редкую в то время. Этих записок является характерным образцом языка, употреблявшегося в дипломатическом в сношении и в Синоде.

41) Записки артиллерии майора Михаила Васильевича Данилова, написанные им в 1874 г., являются одним из любопытнейших источников для внутренней истории XVIII в. Данилов — сын небогатого помещика, получил первоначальное образование у отца и родственников, потом в артиллерийской школе. Дослужившись до офицера, он в юности занимался приготовлением фейерверков. Более подробное рассмотрение его биографии может дать нам определенное понятие о жизни современника ему дворянства. До поступления в артиллерийскую школу Данилов вынужден был зарабатывать средства на содержание. Вот как описывает Данилов в воспоминаниях об этом времени: „памятно

мнѣ мое ученье у бурдастаго и поднесъ по той, можетъ
 быть, причине, что чаю меня стоили лозы; а не могу при-
 знаться по справедливости, что во мнѣ были тогда мо-
 косъ или упрямство, а учился я по помощи любезныхъ приме-
 ко и училъ мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма усорен-
 ный по моей силѣ, который я затвердивалъ скоро, кожанъ
 какъ камень, кромѣ однова, нигде отъ бурдастаго отпуща-
 ни на мановище время не было, а сидѣли на скамейкахъ
 ежедневно въ долгие любезные дни великое сиреніе претер-
 вали, то а отъ такого вседневнаго сидѣнія ослабѣвали
 такъ, что голова моя дрыгала въ затылкахъ и все, что вырши-
 лось, при сидѣнии урока, къ вечеру и половинѣ
 прочитать не могу, за что поаводная ревность моя,
 какъ непонятнаго, "сочъ". Когда бурдастый отлучался
 въ школы, жена его подучивала учениковъ кричать гром-
 ко, чтобы показать, что они занимаются, кричать хоромъ
 и не то, что учимъ. Потомъ въ его отсутствіи однажды повто-
 рилъ кофъ и оставалъ его, за что бурдастый отпустилъ
 такими же образомъ. Изъ школы Даниловъ былъ отвезенъ
 къ дождю, родственнику, "тогда французы учить и пи-
 санику съ дрыгать компанію", но компанія эта состоя-
 ла изъ трехъ, что, такъ какъ вдова давала своего писани-
 ка и не принуждала его заниматься, то они ничего не
 дрыгали, а за всякую проделку писаника отвѣча-
 ли Даниловъ и изъ учители; такъ, однажды писани-
 кинъ посядалъ яблоню съ дерева и вдова въ страхъ
 писанику приказала поднять училъ камень на
 козелъ и стоимъ его долгое время не имѣя, приходя:
 "не сдвигай яблоню съ яблони". Потомъ вдова приказала
 и меня поднять на козелъ и было много удара три под-
 ренъ въ спину, хотя я, какъ и училъ насъ, яблоню
 не сдвигали. Писанику вдова и вѣдомымъ сдѣла-
 ла въ выговоръ, а потомъ поучивать его, сказала:—"чаю
 не ты, Иванушка, давилъ испугался, когда стоимъ кофъ

товарищей; не бойся, ^{золотых} ~~золотых~~, а тебя никогда стыть не стану." Займись Даниловъ ^{подружился} въ артиллерійскую школу. Проходя однажды по Петербургу, онъ долго прилежалъ одной дамой перелазить къ ней, чтобы устроить ее сына американца, но вскорѣ дружная родственница перелазилась его упрости въ помощь въ школу, которой тоже числился въ артиллерійской школѣ; но толку отъ этой помощи не вышло никакого, такъ какъ онъ, великій былъ шалунъ и ничего устроить не хотѣлъ. Далѣе Даниловъ описываетъ свое предвѣніе въ Данковъ, въ гостяхъ у своего родственника Ерюкова: отпустилъ насъ на недѣлю Рождества Христова воевода съ сыномъ потому звезду Христа славить и за нами посылаютъ поводы по пѣти и долги пороки нашей саней на подаваніе за славеніе: мы каждый день привозимъ помянутое за нами поводы полны мѣломъ и живыми курами и поновскому декемъ. При этомъ славеніи нашихъ посмотрѣлся я, у воеводскихъ мѣдовъ покуриваютъ въ изгородь нахалчивые и зверюжковъ городские равельничиковъ... Интересный разговоръ приводитъ Даниловъ о своемъ зятѣ Астафьевѣ, который имѣлъ гражданское состояніе, очень неохотно суживше въ посылку, но какъ въ отставку тогда нѣмѣя было выходить, то онъ звалъ годовые отпуски за взятки мѣдовымъ, которыхъ онъ дарилъ покровому секретарю. Секретарь былъ доволенъ, когда за наши порты поимать дѣлѣ двенадцать мѣдвѣскаго пола съ женами и дѣтьми. Маленькій интересъ представляетъ и описаніе аматорныхъ невожѣ, которые были назначены при помощи одной старушки въ церковь.

Записки Андрея Тимофеевича Болотова
(1740-1796). Биографія Болотова начинается предисторіею. Онъ сынъ дворянина туркской губерніи; убитъ насильемъ у старика малороссіанина

и при этом обнаруживших такую способность, что сумел изобрести, кроме той ушная и колыбельной, для солдат кантату и кунтер-офицера Миллера, который, однако, по своей неспособности, принес мало пользы молодой Болотову. Тогда он был отправлен к курбанцу Надельторсту, во время пребывания в доме которого он изучил польский язык. Затем он был определен в пансион в Берлине, где изучил французский язык, географию и рисование; на историю же обращал очень мало внимания. Однако Болотов французский язык здесь не изучил, польский же забыл. Также мало пользы принес ему и черчение Лаги, под руководством которого он был впоследствии отдан в образование свое Болотов дополнял по своим собственным духовным книгам. В двадцати семи лет, войдя в службу, он посвятил себя литературной деятельности; сочинений его довольно много. Записки его касаются, главным образом, жизни императора Александра; он очень многого видел и потому дает нам массу материалов; речь его проста и даже наивна.

В последние царствования Екатерины II относятся любопытные записки статей-секретарей Краповицкого и Градовского. Записки Краповицкого, при всей своей откровенности, замечательны в себе самым разнообразным материалом в историческом отношении, очень важный для характеристики двора, а также императрицы и ее личной деятельности. Кроме того, в записках раздросано много любопытных замечаний относительно фаворитов Екатерины II и вообще людей, ее окружавших. Много важное значение имеют записки Градовского, хотя и написанные со строгими приговорами профессора Бестужева-Рюмина, когда он говорил, что записки Градовского без толку. Автор, правда, отпикивается малоспособностью, но не отрицает ему в качестве наивного повествователя,

не касаясь важных вещей, передать много любопытного о вели-
маках и вообще о нравах того времени.

В начале царствования Екатерины II откосяря запис-
ки Екатерины Романовны Дашковой, вышедшие в Лондо-
не, в записках княгини Дашковой мы замечаем такую
особенность: автор всегда старается выставить свою лич-
ность. Нельзя, конечно, отрицать, что историческое прошлое
давало некоторое право автору говорить о себе, а, но не в
такой, однако, мере, как это позволяет себе автор, говоря,
напр., о перевороте 1792 и той роли, которую ему пришлось
выполнить тогда. Вообще, в записках Дашковой невоз-
можно отнестись с осторожностью.

Во введении Павла Петровича отсылаю к нескольким за-
пискам; из них самая важная и интересная записка
Симона Андреевича Порошина. Будучи одним из учени-
ков моего друга Павла Петровича, Порошин в своей за-
писке передает много важных подробностей о лич-
ности Павла, о его воспитании, способностях, о мненьях его окру-
жающих. Все это много более интересный материал, чем Павел
Петрович писал в истории, является многою мало
выясненным. Свои записки Порошин писал в виде днев-
ника, где под каждым числом говорит, что делал
Павел Петрович в этот день: когда бегал, когда мо-
гился спать, чем занимался и как устроил занятия.
Вот как, напр., Порошин отзывается о способно-
стях к математике Павла Петровича: «Если бы его
Ваше Высокоблагородие был партикулярный и мого-
временно предавался одному только математиче-
скому учению, то бы по остроумию своему весьма
удовольствие имел нашим российским Паскалем».
Конечно, это преувеличено, и подробно Порошинство
отзывается о математических способностях Пав-
ла Петровича вот что: «сегодня при учении моего
самого Его Высокоблагородия с удовольствием принявшие,

это когда неравное число или нечетное выйдешь из числа / рав-
ного или четного, остаток всегда будет нечетн." А вот
каковыя другія черты, которыя тогда уже промывали
в Павла Петровича и которыя въ будущемъ онъ въдалъ
внимъ ошмивали. Въ дворцовомъ реперт. было пограниче-
ко за правило, чтобы никто изъ присутствующихъ не апо-
дировалъ раньше, чѣмъ канцлеръ Скавронскаго. Огласили
Екатерины въ театръ не было. Кто-то уже изъ публики
аплодировали; обожженный цесаревичъ, возвращаясь до-
мой, замечаетъ: „я не слышалъ, чтобы государыня прика-
зывала извоинца, чтобы прислуга аплодировали, ко-
гда я не загну. Впередъ я выгрозилъ, чтобы кто-то можно
было высматывать вонъ, которые канцлеръ при мнѣ хло-
паетъ, когда я не хлопаетъ. Это противъ благоприсойно-
сти." Кроме вепывчивости и чуждого въ характерѣ
Павла Петровича была и другая странная черта; это
спяшность бездн. У него въ высочайша ужасная привычка
чтобы спяшность во всемъ: спяшность въ ватъ, спяшность
курить, спяшность опочивать ложиться. Передъ
вотдремъ за часъ еще времени или болѣе до того, какъ
задремъ обыкновенно у насъ садятся (т.е. въ началѣ вѣ-
робою часу), засымаютъ тайно къ Никитѣ Ивановичу
исф-фурьера, чтобы спроситься, не прикажетъ ли заку-
шаніемъ послать, и все хитросъ употребляетъ, что-
бы хотя нѣскольکو минутъ выгадать, чтобы задремъ
снѣтъ пораньше. Объ утреннѣ такъ же заботы. „Вѣ-
щій выводъ изъ записокъ Порошина такой: „о вати-
таніи Павла Петровича заборились; лица, къ нему
приставленные, какъ братья Панины, действова-
ли развивающіе образомъ на него; способности
и Павла Петровича были хорошия и изъ него много
внѣтъ развитой человекъ.“

Въ этому же времени относяся записки Сав-
урова, заключающія въ себѣ вѣдннн о голомъ
Листъ 15.

тебныхъ качествахъ императора Павла. При возвраще-
нии на престолъ, разсказываетъ Саблуковъ, Павелъ прика-
залъ вырывать въ своемъ дворцѣ маленькое окошко,
куда опускали прощенья, орудья на которыя Павелъ при-
казывалъ печатать въ газетахъ.

Ковремени Павла Петровича относятся разсказы,
записанные сословъ Котливицкаго. Какъ Саблуковъ,
такъ и Котливицкій срали ко двору очень близко
а потому передали не мало интересной, сводный
оприворотной жизни того времени.

Въ царствованіи Александра I относятся мно-
жесто мемуаровъ. Записки Филиппа Филипповича
Вилея должны занять между ними первое мѣсто.
Печатались они сначала въ Русскомъ вѣстникѣ, а по-
томъ вошли въ орудьяныя изданія въ три части,
съ сокращеніями и выпусками. Полный оригиналъ
этихъ записокъ хранится въ Императорской публич-
ной библіотекѣ. Несмотря на сокращенія и выпус-
ки видно, что авторъ — личность даровитая, свѣдѣ-
ніи императорныя таланты. Достоинство эти
авторъ очень хорошо въ себя сознавалъ, хотя и говоритъ
въ запискахъ о себѣ очень скромно. О себѣ самого раба-
нія, говоритъ авторъ, природой и дортуной во-
сущенъ, политикою мною, долговѣ въ на киче-
жество, во всемъ поучивъ отъ судьбы въ удѣлъ
посредственности, а, однако, безсодоваль много
съ императорскими и въ моихъ соотечественниковъ,
до въ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ просвѣ-
щенными и въ книжкахъ. Тутъ и не въ нѣдѣль и въ
также вовсе не чужды — а не въ нѣдѣль даже о въ книж-
кахъ и не о въ нѣдѣль въ знаменитѣ о въ нѣдѣль;
знатнаго до простолюдина въ нѣдѣль и въ нѣдѣль
извъ нѣдѣль. На ряду съ напускною скромностію въ
этихъ словахъ видно и сознание своихъ многоуменіи

способностей. Записки Вилеля, какъ выше было сказано, изданы въ три части. Въ первой части авторъ говоритъ о дворянствѣ при Екатеринѣ II, о кievскихъ обществахъ, и въ силу принялось провести дружество, о французскихъ минифантахъ при Павле Петровичѣ, которые участвовали въ революціонной Франціи. Во второй части о гвардіи при Александрѣ I-мъ: Сперанскомъ, Мордвиковѣ, петербургскомъ обществѣ, о посольствѣ въ Китай. Въ 3-ей посольствѣ Ф. Ф. Вилель самъ принималъ участие и посломъ описалъ это путешествие съ собственною и каждаго участникомъ. Въ третьей части авторъ говоритъ о переименованіи министерства, о новомъ министерствѣ Рукавицына, о государственномъ советѣ, литературѣ и журналѣ. Въ четвертой части — о правительственномъ и литературномъ обществахъ, въ отъѣздѣ Мордвикова. Въ пятой и шестой частяхъ — о петербургскомъ обществѣ после войны 12го года, о военномъ поселеніяхъ Аракчаева. Въ 7ой части Вилель говоритъ о реакціи и господствѣ Магницкаго.

Въ запискахъ Ф. Ф. Вилеля очень мало находимъ ни положительныхъ характеристикъ; авторъ — человекъ съ страстью; относится строго къ людям; отчасти личность, какъ Сперанскій и Крыловъ, авторъ откровенно отрицателенъ. Только о Жуковскомъ въ запискахъ Вилеля мы находимъ несколько положительныхъ словъ.

Къ Александрѣ-Николаевичу Вилель относится въ воспоминаніяхъ Панаева, Шамшова, и семейнаго хроника Аксакова. Въ послѣдней авторъ поэтически воспроизводитъ жизнь дворянъ того времени.

Письма. Какъ историческій матеріалъ письма подходятъ подъ разрядъ писемъ. Первые письма, имеющие такое значеніе.

- 1) можно назвать письмо Владимира Мономаха
къ Олегу Чернигово-стверскому князю. Чуть дальше,
еще число писем Гюльевича дошло и дошло. По
времени они относятся къ удельному периоду, Московско-
му, Петровской эпохе, эпохе Екатерины, Александ-
ра I и т.д. Знаменитая переписка Грозного съ Курд-
скимъ, письма смутного времени, потомъ, "тишай-
шего" Алексея Михайловича, особенно Петра Велика-
го и Екатерины II — все это цѣнный историческій
материалъ. Въ подобное время поднять вопросъ
о систематическомъ изданіи писемъ Петра Вели-
каго. Нельзя, конечно, не пожалеть этому делу
скорого и счастливаго окончания, ибо это было бы
капитальный и неоспоренный трудъ нашего вре-
мени.

Конецъ
первой части.

Необходимо изъяснить : 1-20 стр. до упадка.

Не лишнее прочитать : а Карам. 59-105.

— Солт. 168-200.

Дополнения и поправки.

Стр. 2. Профессоръ Иконниковъ въ настоящее время (1907) оканчиваетъ печатаніемъ второй томъ: „Опытъ русской исторіографіи“, задуманнаго и выполненнаго по той же самой программѣ, какъ и первый томъ. Въ появленіи этого произведенія русская историческая наука будетъ обладать такимъ капитальнымъ трудомъ, какимъ еще не обладаетъ никакая изъ западно-европейскихъ литературъ.

Стр. 3. Профессоръ Милоковъ недавно названъ проф. Петербургскаго Университета; нужно — Московскаго.

Стр. 25. „Историко-филологическое Общество, состоящее при Харьковскомъ Университетѣ, издающ. 1907. 15 томовъ. Сборника Харьковскаго Историко-филологическаго Общества“, где, кромѣ упомянутыхъ трудовъ пр. Багалы и Саввы, помѣщены:

Плохинскій. Матеріалы для исторіи внутренней жизни Львово-берестинской Украйны и Гетманъ Мазепа въ роли великорусскаго помощника.

Лебедевъ. Воинскій бытъ монастырей Курско-Знаменскаго и Бѣлгородско-Николаевскаго по архивнымъ документамъ.

Тригубовъ. Къ исторіи промышленности Слободской Украйны.

Миниеръ. Очерки изъ исторіи юридическаго быта старой Малороссіи; суды земскіе, городскіе и подкоморскіе.

Короленко. Матеріалы по исторіи войска Запорожскаго. Савва. О посольскихъ отрядахъ Московскаго государства. Васьмакскій. Къ исторіи торговыхъ сношеній въ Московскомъ государствѣ XVIII в.

Получено это изданіе 7 вѣстниковъ, трудовъ педагогическаго студента Харьковскаго Историко-филологическаго Общества, где помѣщены статьи:

Ветухова. Анон-Анонъ Каменскій. Будескулъ. По

поводу новых учебников по всеобщей истории.
Багаевый. Официальной методикой истории.
Тришнев. Новиков, как педагог. Смирнов и Ры-
 дич. Вопрос организации образовательных уст-
 рой для учащихся. Маслов. Песталоцци. Краев-
 ский. В психологии детского возраста.

